

Джон Уайцен

ЛЮБОВЬ ВО ВРЕМЕНА ГНЕВА

БАСТИЛИЯ. СКОЛЬКО ТЮРЕМ БЫЛО ПОСТРОЕНО ИЗ ЕЕ КИРПИЧЕЙ?...

СЕДЬМАЯ КНИГА

Стэнли Джон Уаймен
Любовь на полях гнева

«Седьмая книга»

1895

Уаймен С.

Любовь на полях гнева / С. Уаймен — «Седьмая книга», 1895

Париж, лето 1789 года. Несметные толпы народа, вооружённые ружьями, а также пиками, молотами, топорами и дубинами, наводнили улицы, прилежащие к Бастилии – военной крепости и главной политической тюрьме Парижа. 14 июля гарнизон крепости сдался. В последующие недели революция вспыхнула по всей стране. Восставшие захватывали хлеб, овладевали местными ратушами, жгли хранившиеся там документы. Кровавые дни остались в памяти под названием «Великий страх»... Но как бы не был велик океан гнева и безумия, ему никогда не остановить биения влюбленных сердец и свет любимых глаз...

© Уаймен С., 1895

© Седьмая книга, 1895

Содержание

Часть первая	5
I. Маркиз де Сент-Алэ	5
II. Испытание	12
III. В собрании	19
IV. Друг народа	23
V. Депутация	27
VI. Встреча на дороге	32
VII. Тревога	37
VIII. Гаргуф	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Стенли Уаймэн

Красная кокарда

Часть первая

I. Маркиз де Сент-Алэ

Когда мы дошли до террасы, которую мой отец построил незадолго до своей смерти и которая, извиваясь под окнами замка, отделяет дом от нового луга, маркиз де Сент-Алэ окинул местность презрительным взглядом.

– Что же вы сделали с садом? – спросил он, скривив губы.

– Мой отец перенес его в другую сторону, – отвечал я.

– Туда, где его не видно...

– Да его не видно из-за кустов роз.

– Английская мода, – сказал он, вежливо пожимая плечами. – Вам больше нравится, чтобы у вас перед глазами была эта трава?

– Да.

– А эти посадки? Ведь они совсем закрывают вид на деревню...

– Да, пожалуй.

Маркиз громко рассмеялся.

– Я замечаю, что таков обычный образ действий тех, кто распинается за народ, за его свободу и братство. Они любят народ лишь издали. В Сент-Алэ я предпочитаю, чтобы мои крестьяне были всегда у меня на глазах и видели, в случае необходимости, позорный столб. Кстати, что вы сделали со своим, виконт? Он прежде стоял как раз против подъезда?

– Его сожгли, – отвечал я, чувствуя, что кровь ударила мне в голову.

– Это, вероятно, тоже сделал ваш отец? – переспросил он, глядя на меня с удивлением.

– Нет, нет, – упрямо твердил я, презирая самого себя за то, что стыжусь маркиза. – Это велел я. Мне кажется, что подобные вещи отжили свой век.

Маркиз был старше меня лет на пять. Но эти пять лет, проведенные им в Париже и Версале¹, давали ему значительное преимущество передо мной.

Помолчав немного, он переменял тему и заговорил о моем отце. В его словах было столько уважения и любви, что мое раздражение быстро улеглось.

– Когда я впервые убил птицу на охоте, мы были тогда с ним, – сказал Сент-Алэ с прищущей ему с детства обворожительностью.

– Это было двенадцать лет тому назад.

– Совершенно верно. В те поры за мной бегал по пятам и считал меня великим человеком некий юноша с голыми ногами. Но я уже и тогда подозревал, что рано или поздно он станет разъяснять мне права человека. Ах, Боже мой! Я должен забрать от вас Лун, виконт, иначе вы сделаете из него такого же реформатора, как и вы сами. Впрочем, – прервал он самого себя с легкой улыбкой, – я приехал сюда не за этим. У меня есть к вам другое дело, в высшей степени для вас важное, виконт.

Я почувствовал, что опять краснею, хотя и по другой причине.

– Мадемуазель вернулась домой? – спросил я.

¹ Версаль – город в 18 км к юго-западу от Парижа.

– Вчера. Завтра она едет с моей матерью в Кагор. Я надеюсь, что самым интересным впечатлением в этой поездке будет виконт де Со.

– Мадемуазель в добром здравии? – довольно неловко спросил я.

– Вполне, – вежливо отвечал маркиз. – Завтра вечером вы убедитесь в этом сами. Думаю, вы не откажетесь предоставить себя в ее распоряжение на недельку-другую?

Я поклонился. Услышать эту новость я рассчитывал еще на прошлой неделе, но не от маркиза, а от Луи, заменявшего мне брата.

– Отлично, в таком случае вы должны сказать это и самой Денизе! – воскликнул Сент-Алэ. – В ней вы найдете отличную собеседницу. Сначала, конечно, она будет застенчива, – продолжал он, надевая перчатки. – Сестры в монастыре, несомненно, боятся каждого мужчины как волка, но ведь женщины в конце концов всегда остаются женщинами, и через неделю все обойдется. Итак, смею надеяться видеть вас у себя завтра вечером.

– Я буду у вас непременно, маркиз.

– Почему вы зовете меня «маркиз», а не Виктор, как раньше? – спросил он, дотронувшись рукой до моего плеча. – Мы совсем скоро породнимся... А пока проводите-ка меня до ворот. Мне что-то еще надо было сказать вам... Но что именно?..

Оттого ли, что он действительно не мог вспомнить, или же потому, что считал неуместным заговорить об этом теперь, но он смолк и продолжил беседу, лишь пройдя половину аллеи.

– Слышали вы об этом протесте? – вдруг спросил он.

– Да, – неохотно отвечал я, смутно чувствуя тревогу.

– Вы, конечно, подпишите его?

Именно этот вопрос, видимо, вызвал заминку в нашей беседе. Настала моя очередь колебаться, но уже с ответом.

Протест, о котором маркиз говорил, предполагалось подать в собрание дворянства в Кагоре. Целью его было выразить неодобрение нашим представителям в Версале, которые согласились заседать с третьим сословием².

Я лично считал этот шаг непоправимой ошибкой, хотя он и был одобрен королем. Лица же, составившие упомянутый протест, не хотели бы никаких реформ и стояли за сохранение своих привилегий. И я медлил с ответом, не желая насиловать своих убеждений.

– Итак, как же? – спросил опять маркиз, видя, что я молчу.

– Думаю, что нет, – ответил я, вспыхнув.

– Вы не считаете возможным поддержать протест?

– Не считаю.

– А я-то думал, что вы это сделаете, – воскликнул он, громко смеясь. – Но ведь это пустяки, а нам необходимо действовать единодушно. Сейчас это только и нужно.

Я покачал головой. Мы дошли до ворот, где приезжавшие в замок оставляли своих лошадей. Слуга уже вел их к нам.

– Послушайте, – настойчиво продолжал Сент-Алэ, – неужели вы думаете, что из этих Генеральных штатов³, которые его величество так неразумно разрешил собрать, могло выйти что-нибудь хорошее? Они собрались 4 мая, а теперь уже 17 июля, и до сего времени они не сделали ничего путного. Ровно ничего. Теперь их распустят, и всему будет положен конец.

– Для чего же в таком случае подавать протест? – тихо спросил я.

– Это я вам сейчас объясню, – снисходительно промолвил он, ударяя хлыстом по носкам своих башмаков. – Разве вы не слышали последней новости?

– Какой новости? – осторожно осведомился я.

² До революции 1789–1794 гг. население Франции было разделено на три сословия: духовенство, дворянство и третье сословие, включавшее в себя лиц от крупного буржуа до нищего крестьянина, с ведущей ролью в нем буржуазии.

³ Генеральные штаты – высший орган сословного представительства. Созывались во Франции с 1302 г. по 1789 г.

– Король уволил Неккера⁴.

– Первый раз слышу! – воскликнул я, пораженный.

– Да, да, банкир уволен, а через неделю будут распущены и Генеральные штаты, Национальное собрание⁵ или как там им угодно называть это собрание. Чтобы укрепить короля в его мудром решении, мы должны показать ему свое сочувствие, должны действовать, должны протестовать.

– Уверены ли вы, однако, маркиз, – спросил я, разгоряченный этой новостью, – что народ отнесется к этому совершенно спокойно и будет терпеть свою участь? Никогда еще не было такой холодной зимы, никогда еще не было такого неурожая, как прошлый год. Кроме того, теперь их надежды ожили, умы возбуждены выборами...

– Не беспокойтесь, виконт, все обойдется благополучно, – сказал он со странной улыбкой. – Я знаю Париж и могу вас уверить, что там уже нет фронды⁶, хотя Мирабо⁷ и пытается играть роль Ретца⁸. Теперь этот мирный Париж не восстанет. Будут два-три голодных бунта, но с ними управятся две роты швейцарцев.

Поверьте, что с этой стороны опасности нет никакой.

Но эта новость возбудила во мне оппозиционный дух.

– Не знаю, – холодно произнес я. – Не думаю, что дело так просто, как оно вам представляется. Королю надо добыть денег, или ему грозит банкротство. А у народа нет средств дать эти деньги. Вот почему я не думаю, что все будет по-старому.

Маркиз быстро взглянул на меня неожиданно злыми глазами.

– Вы хотите сказать, виконт, что вы не желаете, чтобы все было по-старому?

– Я думаю, что прежнее положение вещей невозможно, – резко сказал я. – Так долго продолжаться не может.

Минуты две он ничего не отвечал, и мы молча стояли напротив друг друга: я по одну сторону ворот, он по другую. Над нами простиралась холодная листва, а сзади тянулась пыльная дорога, раскаленная июльским солнцем. Лицо Сент-Алэ было красно и носило решительное выражение. Но вдруг это выражение переменилось: он рассмеялся тихим вежливым смехом и с легким пренебрежением пожал плечами.

– Не будем спорить, – промолвил он. – Надеюсь, что и вы подпишите протест. Подумайте об этом, виконт. Подумайте, ибо, – прибавил он, весело глядя на меня, – мы даже не знаем, что может зависеть от этого.

– Конечно, необходимо сначала обдумать это дело, – спокойно сказал я.

– Именно, хорошо подумать, прежде чем отказываться, – подхватил он, отвечивая мне поклон и на этот раз не улыбаясь.

Потом он повернулся к своей лошади и с помощью слуги сел в седло. Подобрав узду, он склонился ко мне.

⁴ Неккер Жак (1732–1804) – женеvский банкир, живший во Франции. В 1777 г. был назначен генеральным директором финансов. В 1788 г. сыграл заметную роль в подготовке и созыве Генеральных штатов. Эмигрировал в сентябре 1791 г.

⁵ 17 июня 1789 г. Генеральные штаты провозгласили себя Национальным собранием, отвергнув тем самым сословный принцип.

⁶ Фронда – букв. праща (франц. fronde) – общественное движение во Франции в 1648–1653 гг., направленное против абсолютизма, представленного правительством Мазарини.

⁷ Мирабо Оноре Габриель, маркиз (1749–1791) – деятель революции, происходивший из аристократов. Перед революцией опубликовал несколько памфлетов против правительства. В 1789 г. после того, как дворянство Прованса отвело его кандидатуру в Генеральные штаты, был избран депутатом от третьего сословия Экса и Марселя. Напуганный взятием Бастилии, стал искать союза с королевской властью.

⁸ Рец (Retz) Франсуа Поль де Гонди (1613–1679) – парижский архиепископ и кардинал. Во времена Фронды добивался положения первого министра, используя то оппозицию народных масс, то поддержку буржуазии, то союз с «партией принцев».

– Конечно, – тихо сказал он, глядя на меня испытующим взглядом, – договор есть договор. Монтекки и Капулетти, как и ваш позорный столб, уже вышли из моды. Однако мы все должны идти или одной дорогой или разными. По крайней мере, я так думаю.

И, приятно кивнув головой, как будто он высказал какой-нибудь комплимент, а не угрозу, маркиз тронул лошадь, оставив меня в одиночестве.

Мысли неслись в моей голове вихрем, один план сталкивался с другим, пока я наконец не побрел обратно под тень деревьев.

Невозможно было ошибаться в значении слов маркиза: несмотря на всю свою вежливость, он в сущности предлагал мне выбирать между родством с его семьей, о чем так усердно хлопотал мой отец, и политическими взглядами, воспитанными во мне также моим отцом и укрепившимися после года пребывания в Англии.

После смерти отца я остался один в моем замке и жил, мечтая о Денизе де Сент-Алэ, которая должна была стать моей женой, и которой я со времени ее возвращения из монастыря еще не видел. В словах Сент-Алэ, очевидно, заключалась угроза с этой стороны. Внезапно мое раздражение показалось мне смешным. Мне было двадцать два года, ему – двадцать семь и он диктовал мне условия. Для него мы были деревенские увальни, а он явился к нам из Парижа и Версаля учить нас...

Уже через полчаса после того как мы расстались, у меня был готов план сопротивления. Остальную часть дня я провел, обдумывая тот путь, на который я хотел вступить. Я то перечитывал послание де Лианкура, в котором он развивал свой план реформ, то раздумывал насчет обмена мнений, которым удостоил меня Рошфуко⁹ во время его последнего приезда в Лушон. Я был не одинок в своих раздумьях о новом курсе. Но управляющий маркиза Сент-Алэ Гаргуф, например, до которого в этот день, очевидно, тоже дошла весть о падении Неккера, и не подозревал, к чему это может привести. Наш кюре, аббат Бенедикт, ужинавший вчера со мной, также не видел ничего дальше своего носа.

Слышал эту новость, конечно, и сын содержателя гостиницы в Кагоре, но и он не мог подозревать, что скипетр скоро упадет на дорогу. В июле 1789 года, увы, еще никто не видел, что старая Франция, старый мир умирает.

Однако, были признаки, которые можно было видеть простым глазом. По дороге в Кагор я видел сам опустошения, произведенные лютой зимой: почерневшие каштановые деревья, побитые виноградники, вымерзшие рисовые поля, общую привычную бедность, грязные хижины, тусклые стекла, соленных женщин, собиравших какую-то траву. Но бросалось в глаза и многое другое, еще более страшное – толпы людей около мостов и на перекрестках, неизвестно чего ожидавшие. В их безмолвии чувствовалось скрытое недовольство, их потупленные глаза и впавшие щеки таили угрозу. Голод совсем измучил их. Выборы принесли с собою возбуждение.

Подъезжая к Кагору, я не встречал таких зловещих признаков, но только некоторое время. Они вновь явились в другой форме.

Опоясанный блестящей Лотой, защищенный валами и башнями, город производил впечатление гнезда под скалами. Бесподобный мост, изъеденный временем собор, огромный дворец – все это сильно действовало на зрителя, даже увиденное не в первый раз. Но в этот день не это бросалось в глаза. Когда я спустился к рыночной площади, там продавали хлеб под охраной солдат с примкнутыми штыками. Жадные взгляды толпы, заполнившей всю площадь, полуголые фигуры, сморщенные лица, глухой ропот – все это так захватило меня, что я почти не замечал ничего другого.

⁹ Вероятно, имеются в виду герцог де Ларошфуко-Лианкур Франсуа Александр Фредерик (1747–1827) – известный общественно-политический деятель, член Академии наук, эмигрировавший из Франции в 1792 г., и герцог де Ларош-Гийон и де Ларошфуко д'Анвиль Луи Александр (1723–1792) – также политик и член Академии наук, одним из первых вставший на сторону третьего сословия. Был убит в сентябре 1789 г. в провинции.

Поражало то равнодушие, с которым относились к происходящему те, кого привело на площадь любопытство, дело, или привычка. Гостиницы были переполнены дворянством, съехавшимся на местное дворянское собрание. Они выглядывали из окон и вели спокойные разговоры, словно у себя в замках. Перед собором прохаживалась группа мужчин и женщин, равнодушно посматривая на толпу. Мне случалось слышать, что у нас во Франции образовались два мира, столь же далекие друг от друга, как ад и рай.

Все, что я видел в этот вечер, подтверждало верность этого замечания.

В маленьком сквере находилась лавочка, где продавались газеты и брошюры. Она была набита людьми. Все другие лавки из опасения погрома были закрыты. В последних рядах толпы я заметил управляющего маркиза Сент-Алэ-Гаргуфа. Он о чем-то беседовал с крестьянами. Проходя мимо, я слышал, как он сказал им:

– Ну что, накормило вас ваше Национальное собрание?

– Пока еще нет, – резко отвечал один из крестьян. – Но я слышал, что через несколько дней все будут сыты.

– Не они вас накормят. Для чего им кормить вас? – грубо заметил управляющий.

– Пожалуй, что и так... Говорят...

В это время Гаргуф заметил меня. Он поклонился и замолк. Через минуту я увидел в середине громко беседовавшей группы моего кузнеца Бютона. Сообразив, что он замечен, Бютон угрюмо взглянул на меня и так же угрюмо поплелся домой.

Бывая в городе, я всегда останавливался в гостинице «Трех королей». Содержатель ее, Дюри, подает ужин для дворянства в восемь часов.

У Сент-Алэ в Кагоре был собственный дом, где у него, как предупреждал меня маркиз, в этот вечер собралось несколько гостей. Я нарочно опоздал, чтобы избежать частных разговоров с маркизом. Комнаты были уже ярко освещены, на лестнице стояли лакеи, из окон доносились звуки музыки. Мадам де Сент-Алэ считалась гостеприимной хозяйкой. Она обыкновенно устраивала так, что ее гости разбивались на живописные, оживленные группы; модные в то время кружева, брильянты, напудренные парики, красные каблуки – все это придавало ее салону очень элегантный вид.

Едва войдя в гостиную, я понял, что передо мной политическое собрание. Здесь были все, кто потом должен был заседать в дворянском собрании. И, однако, пробираясь между гостями, я почти не слышал серьезного разговора: все спорили о достоинствах итальянской и французской оперы, о Гитри и Бьянки и т. п. Казалось, что хозяйка дома, собрав у себя в салоне все, что было лучшего в провинции, думала об одних развлечениях. В известной степени она достигла желаемого. Трудно было не попасть под обаяние этой атмосферы духов и музыки, болтовни и быстрых взглядов.

В дверях я встретился со старинным другом моего отца – Гонто, разговаривавшим с двумя Гаринкурами.

Он улыбнулся мне и рукой сделал знак идти дальше.

– В самую крайнюю комнату. Глядя на вас, я хотел бы опять помолодеть.

Я постарался быстро проскочить мимо него. Затем мне пришлось столкнуться с тремя дамами, задержавшими меня такими же бессодержательными разговорами. Наконец навстречу попался Луи: он схватил мою руку, и мы некоторое время простояли вместе. В его глазах была тревога. Он спросил, не видал ли я Виктора.

– Я видел его вчера, – отвечал я, отлично понимая, зачем он спрашивает об этом.

– А Денизу?

– Пока нет. Я еще не имел удовольствия ее видеть.

– В таком случае, идем. Моя мать рассчитывала, что вы придете пораньше. Что вы думаете насчет Виктора?

– Он уехал в Париж Виктором, а вернулся сюда важной персоной, – смеясь, отвечал я.

Луи слабо улыбнулся и с видом страдания поднял брови.

– Боюсь, что это правда. Он как будто не совсем доволен вами. Но разве мы обязаны исполнять все его желания? Идем же, однако. Мать и Дениза в самой дальней комнате.

С этими словами он повел меня вперед. Сначала надо было пройти через карточную комнату. Но у дверей последней комнаты столпилось столько народа, что войти туда удалось не сразу.

Посередине этой небольшой комнаты стояла сама маркиза, разговаривавшая с аббатом Менилем; тут же находились две-три дамы и Дениза де Сент-Алэ.

Она сидела на кушетке возле одной из дам. Мой взгляд, естественно, устремился на нее. Одета она была во все белое, и я невольно был поражен ее детским видом. Высокий напудренный парик и жесткое, вышитое золотом, платье придавали ей некоторую величавость, но все же она была слишком миниатюрна, и я почувствовал даже легкое разочарование. Увидев меня, сидевшая около нее дама что-то сказала ей, и девочка вдруг вспыхнула, как кумач. Наши взоры встретились... Слава Богу, глаза у нее такие же, как у Луи! Она быстро потупила взор и еще мучительней покраснела.

Я подошел к маркизе поздороваться и поцеловал ее руку, которую она, не прерывая разговора, мне протянула.

– Однако такая власть, – продолжал аббат, пользовавшийся репутацией философа, – безо всяких ограничений! Если употребить ее во зло...

– Король слишком добр для этого, – улыбаясь, отвечала маркиза.

– Когда около него хорошие советники, конечно. А дефицит?

Маркиза пожала плечами:

– Его величество должен получить деньги.

– Но откуда? – спросил аббат, в свою очередь пожимая плечами.

– Король был слишком добр с самого начала, – продолжала маркиза с оттенком суровости. – Он должен был заставить их внести указ о налогах в реестр. Впрочем, парламент ведь всегда уступал. И теперь то же будет.

– Парламент – да, – отвечал аббат со снисходительной улыбкой, – Но нынче речь идет не о парламенте, а о Генеральных штатах.

– Генеральные штаты распускаются, а король остается.

– Могут возникнуть беспорядки...

– Этого не будет, – с тем же самоуверенным видом ответила маркиза. – Его величество предупредит их.

И, сказав еще два-три слова с аббатом, она повернулась ко мне.

– А, ветрогон! – произнесла она, ударяя меня веером по плечу и бросив на меня взгляд, в котором смешивались любезность и некоторая строгость. – Судя по тому, что мне передавал вчера Виктор, я даже не была уверена, что вы явитесь сюда сегодня. Вы уверены, что это вы сами?

– Мне свидетельствует об этом сердце, – отвечай я, прикладывая руку к груди.

– В таком случае приведите его в должный порядок, сударь. И, повернувшись, она церемонно подвела меня к дочери.

– Дениза, это виконт де Со, сын моего старого друга. Виконт, это моя дочь. Может быть, вы постараетесь занять ее, пока я продолжу наш разговор с аббатом...

Бедная девочка, очевидно, жестоко страдала весь вечер в ожидании этого момента. Она сконфуженно присела в реверансе; я стоял перед ней, держа в руках шляпу. Стараясь поймать сходство между ней и тем смуглым тринадцатилетним ребенком, каким я ее помнил, я вдруг неизвестно почему оробел сам.

– Вы изволили вернуться домой на прошлой неделе, мадемуазель? – спросил я наконец.

– Да, монсеньер, – шепотом отвечала она, не поднимая глаз.

– Для вас здесь все, должно быть, так ново.

– Да, монсеньер.

– Сестры в монастыре были, конечно, добры к вам? – снова начал я после некоторого молчания.

– Да, монсеньер.

– А вам не жалко было расставаться с ними?

– Нет, монсеньер.

Почувствовав, вероятно, банальность своих ответов, Дениза вдруг быстро взглянула на меня. Я заметил, что она готова расплакаться. Это привело меня в ужас.

– Мадемуазель, – торопливо сказал я, – не бойтесь меня. Что бы ни случилось, вам не надо бояться меня. Прошу вас, смотрите на меня, как на друга, как на друга вашего брата. Луи мой...

Не успел я закончить фразы, как вдруг послышался какой-то треск, что-то ударило меня в спину. Пошатнувшись, я почти упал девушке на руки. Кругом звенели стекла, кричали перепуганные дамы. Минуты две я не мог сообразить, что такое произошло, и очнулся лишь когда Дениза в ужасе схватила меня за руку. Обернувшись назад, я увидел, что окно сзади меня было выбито большим камнем, лежавшим тут же на полу. Он-то и ударил меня в спину.

II. Испытание

Комната быстро наполнилась перепуганными лицами, и не успел я прийти в себя, как вокруг образовалась уже целая толпа, засыпавшая меня вопросами «что случилось?». Впереди всех был Сент-Алэ. Все говорили разом; дамы, стоявшие сзади и не видевшие меня, кричали, и мне было очень трудно рассказать все происшедшее. Впрочем, разбитое стекло и лежавший на полу камень говорили сами за себя.

В одну минуту зрелище погрома раздуло в целую бурю страсти, тлевшие под пеплом мнимого спокойствия.

– Долой каналий! – раздалось несколько голосов.

– Обнажайте шпаги, *messieurs*, – кричал кто-то сзади.

Несколько гостей, предводительствуемые Сент-Алэ, который горел желанием отомстить за нанесенное его дому оскорбление, бросились, толкая друг друга, к дверям. Гонто и два-три человека постарше пытались удержать их, но все их доводы были тщетны. Через минуту комната была почти пуста. Мужчины выбежали на улицу с обнаженными шпагами. Явилось с дюжину услужливых лакеев с факелами. Вся улица наполниласьдвигающимися тенями и огнями.

Негодяи, бросившие камень в окно, конечно, убежали заблаговременно, и гости скоро стали возвращаться обратно: одни – сконфуженные вспышкой овладевшего ими гнева, другие – со смехом, третьи – с тайным сожалением о своих выпачканных башмаках. Многие, отличавшиеся более страстным темпераментом, продолжали еще кричать об оскорблении и угрожали мщением. В другое время все происшествие показалось бы пустяком, но теперь, когда нервы у всех были в высшей степени натянуты, оно получило крайне неприятный и угрожающий оттенок.

Пока гости отыскивали на улице виновников этого происшествия, в разбитое окно образовалась тяга. От движения ветра занавесь приблизилась к подсвечникам и разом вспыхнула. Ее удалось, однако, быстро сорвать. Тем не менее запах гари распространился по всем комнатам. Испуганные лица женщин, разбитое окно, запах гари – все это производило такое впечатление, как будто комната подверглась настоящему разгрому.

Меня не удивило, что Сент-Алэ, вернувшись с улицы, помрачнел еще больше.

– Где моя сестра? – спросил он резко, почти грубо.

– Она здесь, – отвечала маркиза.

Дениза давно уже подбежала к ней и крепко держалась за нее.

– Ее не ушибло?

– К счастью, нет, – отвечала маркиза, лаская девушку. – Жаловаться может только виконт де Со.

– Спасите меня от друзей, не так ли, монсеньер, – сказал Сент-Алэ с нехорошей усмешкой.

Это меня взбесило. Смысл, который он придавал этим словам, был ясен.

– Если вы предполагаете, – резко сказал я, – что я знал о таких выходках...

– Что вы что-нибудь знали? Конечно, нет, – с беззаботным видом возразил он. – Мы еще до этого не дошли. Невозможно предположить, чтобы кто-либо из присутствующих сделался сообщником этих негодяев. Однако это может дать нам хороший урок, господа, – продолжал он, обращаясь к окружавшим его гостям. – И этот урок говорит, что нам должно крепко держать свое, иначе мы все пропадем.

Гул одобрения прошел по комнате.

– Надо защитить наши привилегии.

Человек двадцать заявили о том, что они вполне с этим согласны.

– Выставить наше знамя! – продолжал оратор, поднимая руку. – Теперь или никогда!
– Теперь, теперь!

Кричали уже не одни мужчины, но и женщины. Вся комната с энтузиазмом вторила ему. Глаза мужчин блестели, слышалось их тяжелое дыхание, щеки загорелись румянцем. Здесь даже самый слабый приобретал влияние и кричал так же громко, как и другие.

Я никогда потом не мог дать себе полного отчета в том, что произошло, никогда не мог уяснить себе, было ли все это подготовлено заранее, или же вдруг родилось само собой, из охватившего всех энтузиазма.

Пока от раздававшихся криков звенели стекла, и все внимание было сосредоточено на маркизе де Сент-Алэ, он выступил вперед и театральным жестом обнажил шпагу.

– Господа! – воскликнул он. – Мы все одного образа мыслей, здесь у всех одни и те же слова. Так пусть у нас будет и единый образ действий. В то время, как весь мир сражается для того, чтобы завладеть чем-нибудь, мы одни думаем только о защите. Соединимся, пока не поздно, и докажем, что мы еще в состоянии бороться. Мы знаем о клятве в *Jeu de paume* 20 июня¹⁰.

Давайте поклянемся 22 июля. Мы не будем поднимать рук, как эти говоруны, которые чего только не обещают. Мы поднимем наши шпаги. Как дворяне, дадим клятву стоять за права и привилегии нашего сословия.

В ответ поднялся такой крик, что заколыхалось пламя. Его было слышно и на улице и, вероятно, даже на рынке, находившемся довольно далеко. Многие выхватили шпаги и размахивали ими над головами. Дамы махали платками и веерами.

– В большую залу! В большую залу! – раздались голоса.

Повинуясь этому приказу, все бросились, толкаясь и теснясь, в соседнюю комнату.

Между этими людьми были, конечно, такие, кто не разделял общего энтузиазма. Многие только делали вид, что они увлечены, но не было никого, кто пошел туда так неохотно, с таким тяжелым сердцем, как я. Ясно сознавая дилемму, встававшую передо мной, но разгоряченный и раздраженный, я не мог найти выхода из нее.

Если бы я мог незаметно выскользнуть из комнаты, я сделал бы это без малейшего колебания. Но лестница была, как нарочно, на противоположном конце залы, и от нее меня отделяла густая толпа. Кроме того, я чувствовал, что Сент-Алэ не спускает с меня глаз: в нем заговорила кровь, и он, видимо, решил не дать мне ускользнуть.

Не теряя надежды, я продолжал стоять у двери в залу. Вдруг маркиз обернулся лицом прямо ко мне. Около него образовался круг. Наиболее неугомонная молодежь продолжала кричать: «Да здравствует дворянство!». Сзади образовался второй круг из присутствовавших дам.

– Господа! – закричал маркиз. – Обнажите ваши шпаги!

В мгновение ока приказание было исполнено, и блеск шпаг отразился в зеркалах. Сент-Алэ медленно обвел всех глазами и устремил взор на меня.

– Виконт де Со, – вежливо промолвил он, – мы ждем вас.

Все разом обернулись ко мне. Я хотел что-то сказать, но только махнул рукой, чтобы Виктор оставил меня в покое. Я надеялся, что во избежание скандала он пойдет на это.

Но меньше всего он думал об осторожности.

– Не угодно ли вам последовать нашему примеру? – мягко – продолжал он.

Уклоняться было уж невозможно. Сотни глаз, любопытных и нетерпеливых, устремились на меня. Лицо мое пылало.

В комнате вдруг водворилось молчание.

¹⁰ Речь идет о знаменитом «Заседании в Зале для игры в мяч» 20 июня 1789 г., на котором изгнанные из Национального собрания депутаты общин поклялись в том, что не разойдутся ни по чьему приказу и будут собираться до тех пор, пока не выработают конституции.

– Я не могу этого сделать, – промолвил я наконец.

– Почему же, позвольте спросить? – с прежней мягкостью обратился ко мне Сент-Алэ.

– Потому, что я не вполне разделяю ваши взгляды. Мой образ мыслей вам известен, маркиз, и я твердо держусь его. Я не могу дать клятвы.

Движением руки он остановил с полдюжины дворянчиков, готовых закричать на меня.

– Тише, господа! – сказал он. – Тут не место угрозам. Виконт де Со – мой гость, и я отношусь к нему с уважением, хотя не могу сказать того же про его убеждения. Полагаю, надо избрать другой способ. Я не решаюсь входить с ним в споры сам.

Но, если вы позволите, – обратился он к матери, – чтобы Дениза сыграла на этот раз роль сержанта, набирающего рекрутов, то, может быть, ей удастся предупредить разрыв.

Это предложение вызвало громкое одобрение. Кто-то захлопал в ладоши, женщины замахали веерами. Маркиза продолжала стоять, улыбаясь, как сфинкс, и молчала. Потом она повернулась к дочери, которая, услышав свое имя, старалась съежиться так, чтобы ее не было и заметно.

– Подойди сюда, Дениза, – сказала маркиза. – Попроси виконта де Со оказать честь сделаться твоим рекрутом.

Девушка тихо вышла вперед. Видно было, как она вся дрожала. Никогда не забуду этого момента, когда стыд и упрямство попеременно овладевали моей душой по мере ее приближения ко мне. Быстрая, как молния, мысль подсказала мне, в какую ловушку я попал. Но мучительнее всего был момент, когда бедная девушка, с трудом преодолевая свою застенчивость, остановилась передо мной и прошептала несколько слов, которые едва можно было понять.

Ответить ей отказом, по понятию всех этих господ, было невозможно. Это было бы такой же грубостью, как и ударить ее. Я чувствовал это всеми фибрами души. И в то же время я осознавал, что согласиться на ее просьбу значит признать себя одураченным, признать себя жертвой ловкой западни, показать себя трусом. Одно мгновение я колебался между гневом и жалостью. Затем, взглянув на все эти лица, глядевшие на меня вопросительно и злобно, я тихо сказал:

– Мадемуазель, я не могу.

– Монсеньер!

Это крикнула сама маркиза, и голос ее резко и пронзительно раздался в комнате. Его звуки сразу рассеяли туман, в котором работал мой мозг. Я окончательно стал самим собой. И, повернувшись к неб, поклонился.

– Не могу, маркиза, – отвечал я твердо, не испытывая более никаких сомнений. – Мой образ мыслей известен вам тоже, и я не могу лгать даже ради мадемуазель.

Едва я успел промолвить последнее слово, как чья-то перчатка, брошенная невидимой рукой, ударяла меня в грудь. Все, находившиеся в комнате, казалось, вдруг помешались. Крики: «Негодяй! Вон предателя!» – так и носились в воздухе. Шпаги замелькали перед моими глазами, десятка два вызовов обрушилось на мою голову. Тогда я еще не знал, как безжалостна возбужденная толпа. Изумленный и оглушенный всем этим шумом, еще более усиливавшимся криками дам, я невольно отступил вглубь комнаты.

Маркиз де Сент-Алэ, соскочив с кресла и отклоняя рукой устремленные на меня шпаги, бросился прямо ко мне.

– Господа, слушайте! – закричал он, заглушая гул толпы. – Это мой гость. Он более не принадлежит к нашему кругу, но он должен уйти отсюда цел и невредим.

– Дайте дорогу виконту де Со!

Все неохотно повиновались ему и, отхлынув в обе стороны, образовали широкий проход до двери. Маркиз повернулся вновь ко мне и отвесил самый, что ни есть церемонный поклон.

– Прошу вас следовать сюда, господин виконт, – сказал он. – Маркиза более не задержит вас.

С пылающим лицом я последовал за ним по узкой блестящей полоске, отражавшей на паркете свет канделябров, между двумя рядами насмешливых лиц. Никто не вступился за меня, и я прошел до двери среди мертвой тишины. Здесь маркиз остановился, мы раскланялись друг с другом, и я вышел из комнаты.

Пока я пересекал вестибюль, любопытная толпа лакеев, наполнявших его, смотрела на меня во все глаза. Но я не замечал ни их дерзости, ни даже самого их присутствия, а лишь двигался, как человек оглушенный, потерявший способность мыслить. Так длилось до тех пор, пока я не вышел из дома. Холодный воздух привел меня в чувство, и первой дала о себе знать злость. Я вошел в дом Сент-Алэ, обладая многим, а вышел из него, лишенный всего – друзей, репутации, невесты. Я вошел сюда, полагаясь на старинную дружбу наших семей, маркиз же своей хитростью лишил меня всего.

Сначала мне пришла в голову мысль, что я сглупил, что я должен был уступить. Встав на выбранный мною путь, я не мог предвидеть всего, что меня ожидало, не мог быть уверенным, что старая Франция действительно отходит в вечность. Мне приходилось считаться с понятиями того круга, к которому я принадлежал. Шагая по дороге, я раздумывал, как мне поступить завтра – бежать отсюда или принять вызов. Ибо завтра...

Народное собрание – неожиданно пришло мне в голову. Эти слова сразу дали новый поворот моим мыслям. Вот где я могу отомстить!

Ночь я провел в лихорадке. Раздражение подстрекало честолюбие, усиливало злость против касты и любовь к народу. Перед моими глазами проходили все признаки нищеты и страдания, виденные еще вчера. Рассвет застал меня шагающим по комнате из угла в угол. Когда старый Андрэ, служивший еще моему отцу, вошел в комнату с письмом, он увидел, что я не раздевался.

Несомненно, до него уже дошли слухи о том, что вчера случилось. Не обращая внимания на его мрачный вид, я распечатал письмо. Подписи под ним не было, но я узнал почерк Луи.

«Уезжайте домой и не показывайтесь на собрании. Они хотят вызвать вас на поединок один за другим. Уезжайте из Кагора немедленно, иначе вы будете убиты.»

Вот и все. Я горько улыбнулся при виде слабости человека, который только и мог, что предупредить друга.

– Кто принес письмо? – спросил я Андрэ.

– Какой-то слуга, сударь.

– Чей?

В ответ он пробормотал, что он этого не знает. Я особенно его не расспрашивал. Андрэ помог мне переодеться и, когда я выходил из комнаты, вдруг спросил меня, в котором часу подавать лошадей.

– Для чего? – сказал я, пристально взглянув на него.

– Для отъезда, сударь.

– Но я не намерен уезжать сегодня, – произнес я тоном холодного недовольствия. – О чем ты говоришь? Мы поедем обратно завтра вечером.

– Слушаю, сударь, – пробормотал он, продолжая возиться с моим платьем. – Но хорошо было бы уехать днем.

– Ты прочел это письмо? – с гневом закричал я. – Кто тебе сказал...

– Об этом знает весь город, – отвечал он, пожимая плечами. – Везде только и кричат: «Андрэ, убирайтесь поскорее с вашим барином!.. Андрэ, на твоего господина скоро наденут намордник!» Жиль подрался с одним из лакеев Гаринкура за то, что тот назвал вас глупцом. Ему разбили лицо. Что касается меня, то я уж устарел для драки. Стар я и для другого, – продолжал он с усмешкой.

– Для чего это другого?

– Для того, чтобы опять хоронить своего господина.

Помолчав с минуту, я спросил его:

– Неужели ты думаешь, что меня убьют?

– Так говорят все в городе.

– Послушай, Андрэ, ты ведь служил еще моему отцу. Неужто ты хочешь, чтобы я бежал отсюда?

Он в отчаянии всплеснул руками:

– Боже мой, я и сам не знаю, чего я хочу. Эти каналы погубят нас. Бог создал их только для того, чтобы они работали и ковыряли землю, иначе мы пропадем. И если вы за них заступаетесь...

– Молчи, – строго сказал я. – Ты ничего не понимаешь в этом. Ступай вниз и в другой раз будь осмотрительней. Ты рассуждаешь о каналах, а ты сам кто такой?

– Я, сударь? – воскликнул он в изумлении.

– Да, ты.

С минуту он смотрел на меня в полном ошеломенности. Потом грустно покачал головой и вышел из комнаты. Несомненно, он был убежден, что я сошел с ума.

Он ушел, а я не двинулся с места. Покажись я сейчас на улице, я тотчас же получил бы вызов и принужден был бы драться.

Поэтому я выжидал, когда начнется собрание; ждал в мрачной комнате наверху, терзаемый чувством одиночества. Не могу сказать, что я не ощущал искушения прибегнуть к способу, указанному Андрэ, но упорство, доставшееся мне от отца, удерживало меня на том пути, на который я встал. В четверть одиннадцатого, когда по моему расчету члены собрания уже явились на совещание, я сошел вниз. Щеки мои горели, глаза смотрели серьезно и строго. У двери стояли Андрэ и Жиль. Я приказал им следовать за мной к собору, где в доме дворянства назначено было собрание.

Впоследствии мне говорили, что если бы я был внимательнее, то я без труда заметил бы необычайное оживление на улицах. Густая толпа стояла на площади и прилегающих тротуарах. Лавки были закрыты, все дела прекращены, в переулках слышался сдержанный говор. Но я был так углублен в самого себя, что опомнился только тогда, когда, пересекая площадь, услышал, как один из стоявших там крикнул: «Да благословит вас Бог!», а другой: «Да здравствует Со!». Несколько встречных почтительно сняли передо мной шапки. Все это я заметил, но чисто механически. Через минуту я уже был на узкой улочке, ведущей от собора к дому дворянства. Она была вся заполнена лакеями, которые с трудом давали мне дорогу, поглядывая на меня с любопытством и удивлением.

Проложив себе путь сквозь эту толпу, я вошел в вестибюль дома. Переход от солнечного света к тени, от оживления на улицах к безмолвию этой комнаты со сводами, поразил меня как-то особенно сильно. В тишине и сером полумраке помещения впервые предстала передо мной во всей ясности значительность шага, который я собирался сделать; и я повернул бы назад, если бы упрямство вновь не овладело моей душой. Шаги по каменным плитам уже гулко отдавались в царившей здесь тишине и отступать было поздно. Я слышал уже голоса за закрытыми дверями соседней комнаты. Сжав губы и решившись быть мужчиной, что бы меня не ожидало, я направился к этим дверям.

Я уже взялся за ручку двери, как вдруг с каменной скамейки, стоявшей у окна, кто-то быстро поднялся и остановил меня. То был Луи де Сент-Алэ. Он встал между мной и порогом.

– Остановитесь, ради Бога, – тихо и взволнованно произнес он. – Что вы можете сделать один против двухсот? Вернитесь назад... а я...

– А вы, – отвечал я с презрением, но так же тихо. Швейцар смотрел на нас с удивлением. – А вы... а вы поступите так же, как вчера.

– Не вспоминайте об этом! – серьезно сказал он и кровь прилила к его лицу. – Уходите, Со! Уходите и...

– И исчезайте?

– Да, исчезайте. Если вы это сделаете...

– Если я исчезну? – с яростью повторил я.

– Тогда все обойдется.

– Благодарю вас покорно, – медленно промолвил я, дрожа от злобы. – А сколько вам заплатят, граф, за то, что вы избавили собрание от меня?

Луи бросил на меня изумленный взгляд.

– Адриан!

Но я был беспощаден.

– Я вам больше не Адриан, граф. Я Адриан только для моих друзей.

– Стало быть, я уже не ваш друг?

Я презрительно поднял брови.

– После вчерашнего вечера? Неужели вы думаете, что вы вели себя как подобает другу? Я пришел в ваш дом как гость, а вы устроили для меня ловушку, сделали меня предметом ненависти и насмешек...

– Разве я это устроил? – воскликнул он.

– Может быть, и не вы, но вы стояли там же и видели, что происходит, не сказав ни одного слова в мою защиту.

Он остановил меня жестом, полным достоинства.

– Вы забываете одно, виконт, – гордо промолвил он.

– Скажите: что?

– Что мадемуазель де Сент-Алэ – моя сестра.

– А!

– Кто бы ни был виноват в том, что произошло вчера, вы обошлись с нею без должного почтения, и это перед двумя сотнями гостей.

– Я обошелся с нею без должного почтения? – возразил я в новом припадке ярости.

Незаметно для самих себя, мы отодвинулись от двери и взглянули друг другу в глаза.

– А кто в этом виноват, сударь? Вы насильно заставили меня выбирать между оскорблением ее и отказом от моих убеждений, в которых я воспитан.

– Убеждения! – резко сказал он. – Что такое убеждения? Я не философ, в Англии не был и не могу понять, как человек...

– Отказывается от чего-нибудь ради своих убеждений? – подхватил я. – Вам этого не понять, граф. Человек, который не стоит за своих друзей, не может постоять и за свои убеждения. Для того и другого нужно, чтобы он не был трусом.

Луи вдруг побледнел и странно взглянул на меня.

– Молчите! – невольно вскрикнул он.

По его лицу прошла судорога, словно он почувствовал мучительную боль.

Но я уже овладел собой.

– Да, трусом, – спокойно повторил я. – Вы понимаете, граф, что я хочу сказать. Или вы хотите, чтобы я вошел и повторил это перед всем собранием?

– В этом нет надобности, – промолвил он, сильно покраснев.

– Позвольте надеяться, что после собрания мы еще встретимся с вами.

Он молча поклонился. В его молчании и взгляде, брошенном на меня, было что-то обезоруживающее. Мне вдруг стало холодно. Но было уже поздно. Я ответил ему церемонным поклоном и опять решительно направился к дверям.

Но открыть их не удалось и на этот раз.

Едва я потянул ручку, чья-то рука оттолкнула меня назад с такой силой, что ручка двери отлетела и с шумом упала на пол. К удивлению моему, то был опять Луи.

Лицо его выдавало сильное возбуждение. Он крепко держал меня за плечо.

– Вы назвали меня трусом, виконт, и я не хочу откладывать этого дела ни на минуту, – сквозь зубы проговорил он. – Не угодно ли вам драться со мной? Здесь сзади дома есть сад...

Я был холоден, как лед.

– Может быть, это подействует на вас. Если вы дворянин, вы должны драться со мной, – заметил Луи. – В саду через десять минут...

– Через десять минут собрание кончится...

– Я не задержу вас так долго, – серьезно сказал он. – Идемте, сударь. Или я должен опять нанести вам удар?

– Я следую за вами, – медленно отвечал я.

III. В собрании

Удар и нанесенное мне оскорбление заставили меня на минуту забыть раскаяние. Но как бы ни подозревал я Луи, как бы ни сердился на то, что он стал орудием в чужих руках, все же ни один друг не удержал бы меня от появления в зале собрания таким способом. Я чувствовал, что плачу ему самой черной неблагодарностью, и раскаяние вновь охватило меня. Когда швейцар отворил было передо мной дверь на улицу, я, к величайшему изумлению Луи, повернулся и бросился назад. Не успел он вскрикнуть, как я был уже около двери в залу собрания, а через секунду переступил ее порог.

Как теперь я вижу, с каким изумлением обратились ко мне лица всех присутствовавших. Среди шума голосов и смеха я направился к своему месту и опустил на него в каком-то оцепенении, почти забыв, зачем я сюда явился.

На скамейках, где были устроены места, сидело по трое. Мое место было между одним из Гаринкуров и д'Ольнуа. Не прошло и пяти секунд, как Гаринкур встал и, обмахиваясь шляпой, направился к выходу. Вскоре д'Ольнуа последовал его примеру.

Я не сумел скрыть своего смущения. Насмешливые взгляды выводили меня из себя. Председатель наконец закончил что-то читать своим монотонным голосом. Началась пере-
кличка.

– Граф де Конталь? – выкрикивал председатель.

– Согласен.

– Виконт де Мариньяк?

– Согласен.

Вдруг, словно эхо в пустом пространстве, прозвучало мое имя:

– Виконт де Со?

Я встал и заговорил. Голос мой сделался хриплым, словно это был голос другого человека.

– Я не согласен с решением.

Я ожидал, что произойдет взрыв ярости. Но этого не последовало. Напротив, раздался взрыв смеха, в котором ясно слышался голос де Сент-Алэ.

– Господа! – закричал я на весь зал. – Я не согласен с этим решением потому, что оно бессмысленно. Прошло время, когда оно могло бы оказать какое-нибудь действие. Вы ссылаетесь на ваши привилегии. Их время тоже прошло. Вы протестуете против единения ваших представителей с народом, но ведь они уже заседали в Версале вместе. Дело сделано. Вы дали голодной собаке кость. Неужели вы думаете, что можно отнять ее? У Франции нет денег, она накануне банкротства. Неужели вы думаете обогатить ее, поддерживая свои привилегии? Эти привилегии были даны когда-то нашим предкам, потому что они были оплотом Франции. Они на свои средства собирали людей, вооружали их и вели на бой. А теперь сражается народ, деньги дает народ, все делает народ.

Здесь я перевел дух, опять ожидая взрыва общего гнева. Но этого не случилось. Зато с площади, куда доносилось каждое мое слово, послышался гром аплодисментов. Я был ошеломлен и смолк вовсе.

Еще большее действие произвели эти аплодисменты на моих противников: все смотрели друг на друга, как бы не веря своим ушам. Потом всей залой овладел молчаливый гнев.

– Что это такое? – воскликнул наконец де Сент-Алэ, вскакивая. – Неужели король так унизил нас, что приказал сидеть нам на одной скамье с третьим сословием? Неужели тут заговор между представителями нашего круга и этой сволочью?..

– Берегитесь, окна открыты, – прервал его председатель, человек малодушный, к тому же вышедший из чиновничьей семьи.

– Что ж из того? – продолжал Сент-Алэ, обводя глазами все собрание. – Пусть народ выслушает обе стороны, а не только тех, кто, напевая ему о его правах, думает сыграть роль кромвелей и ретцев.

Добрая половина собравшихся поднялась с мест.

– Если вы намекаете на меня, маркиз, – закричал я горячо.

Сент-Алэ презрительно рассмеялся.

– С вашей подачи, виконт, – бросил он мне.

– В таком случае я возвращаю эти слова вам обратно. Вы называли меня Ретцем, Кромвелем...

– Роль Ретца я оставляю себе, – спокойно перебил он меня.

– Такой же изменник! – выкрикнул я среди общего смеха, чувствуя, как кровь бросилась мне в голову. – Но изменник и тот, кто теперь толкает короля на беду.

– А не тот ли, кто является сюда в сопровождении толпы? – спросил Сент-Алэ с жаром. – Не тот ли, кто хочет угрозами навязать свою волю собранию?

– Неправда, – обрезал я его. – Возвращаю вам это обвинение. Я лишь не согласен с решением и протестую против него.

Терпение собрания истощилось.

– Вон его! Вон! – послышались дикие крики.

Несколько стариков оставались еще в креслах, остальные повскакивали со своих мест. Одни бросились запирать окна, другие кинулись к дверям, как бы намереваясь их защитить. Напрасно председатель старался водворить молчание. Наконец Сент-Алэ поднял руку, и шум несколько стих.

– Собрание дворян из Керси, – закричал председатель, воспользовавшись временным затишьем, – высказалось в пользу этого наказа, протестовал один только виконт де Со. Наказ будет передан депутатам. Вопрос исчерпан.

Словно по мановению волшебного жезла зала приняла свой обычный вид. Вскочившие с места опять сели, стоявшие у дверей вернулись на свои места. Все пришло в порядок.

Мне хотелось уйти отсюда скорее, но насмешливые взгляды со всех сторон не давали мне двинуться с места. Не могу сказать, долго ли я выдерживал эту пытку замаскированных насмешек и язвительной учтивости. Только появление передо мной швейцара с запиской привело меня в себя. Я неуклюже развернул ее под перекрестным огнем враждебных взглядов и увидел, что она была от Луи.

«Если у вас есть хоть какая-нибудь честь, то вы без промедления должны встретиться со мной в саду позади дома. Если вы отложите эту встречу даже на десять минут, то я публично назову вас трусом.»

Пока швейцар ждал ответа, я прочитал записку дважды и едва сдерживал слезы. Луи не удалось обмануть меня. Эта записка, столь на него не похожая, эта отчаянная попытка удалить меня из зала – все выдавало его добрые намерения. Я мог опять поднять голову: около меня был друг.

Между тем швейцар все еще ждал ответа. Взяв клочок бумаги, я написал: «Адриан не будет драться с Луи». Сложив бумажку, я передал ее швейцару.

Посидев немного, я встал и спокойно двинулся к выходу. Навстречу мне сейчас же двинулся человек десять с очевидным намерением не дать мне уйти. Поднялось такое волнение, что председатель даже перестал читать, желая посмотреть, чем все это кончится. Я уже приближался к порогу, и через секунду мы должны были столкнуться, как вдруг на улице раздался такой рев голосов, что мы невольно остановились.

Остальные бросились к окнам.

И опять прозвучал глухой раскатистый рев, от которого задрожали стекла, рев триумфа, рев, никогда мною неслыханный в жизни.

Из этого шквала голосов мало-помалу стала выделяться одна явственная фраза: «Долой Бастилию!»¹¹ Долой Бастилию!».

Придя в себя, собрание заволновалось, гневно бормоча угрозы против каналов. Один говорил одно, другой – другое: что надо очистить улицу, что необходимо вызвать полк солдат, что лучше всего принести жалобу интенданту...¹² Все еще кричали, как вдруг отворилась дверь и вошел Луи де Сент-Алэ. Лицо его горело от возбуждения. Обыкновенно очень тихий человек, теперь он выступил вперед, подняв руку, и повелительно потребовал, чтобы все замолчали.

– Господа! – заговорил он дрожащим голосом. – Получено необыкновенное известие. Его сообщил на улице курьер, привезший письма моему брату: Бастилия пала!

Воцарилось глубокое молчание.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил, наконец, председатель.

– В четверг она была взята приступом парижской толпы, губернатор ее – де Лоней,¹³ убит, – отчетливо произнес Луи.

Все в изумлении смотрели друг на друга. А с площади неслись все более усиливающийся шум беспорядков.

– Что же король? – спросил престарелый Гонто, выражая общую мысль. – Без сомнения, его величество уже наказал этих негодяев?

Ответ ему был дан оттуда, откуда его никто не ожидал.

Сент-Алэ поднялся со своего места с раскрытым письмом в руках. Если бы он имел время обдумать, что он хочет делать, то он, конечно, не стал бы говорить все, что знал. Но неожиданное известие совершенно выбило его из колеи.

– Я не знаю, что делает король в Версале, – заговорил он. – Но я могу сообщить вам, как была употреблена вооруженная сила в Париже. Приказано было атаковать толпу гвардии, но гвардия была рассеяна. Город очутился в руках народа. Мэр Флессель убит. Образована Национальная гвардия,¹⁴ генералом которой назначен Лафайет.¹⁵

– А что же делал король? – в испуге вскричал председатель.

– Ровно ничего.

– А Генеральные штаты? Национальное собрание в Версале? – слышались голоса.

– Ровно ничего.

– Ну, наконец, Париж? – спросил в свою очередь председатель.

– Ведь столько лет он был совершенно спокоен!

Де Сент-Алэ молча опустился на свое место. Собрание было ошеломлено этим известием. Еще несколько минут назад члены его мечтали о своих привилегиях и правах. Теперь они увидели Париж в пламени, а закон и порядок в величайшей опасности.

Но не такой человек был Сент-Алэ, чтобы отказываться от роли руководителя собрания. Он опять вскочил на ноги и стал пламенно призывать присутствующих вспомнить фронду.

– И тогда, и теперь Париж все тот же, – кричал он. – Легкомысленный и мятежный. Его можно взять только голодом. Жирный буржуа не может обойтись без белого хлеба. Лишите его этого, и безумцы опомнятся, восставшие смирятся. Неужели вы думаете, что вся эта Национальная гвардия с ее генералами может устоять против сил порядка – дворянства и духовен-

¹¹ Бастилия – крепость и государственная тюрьма в Париже, символ французского абсолютизма. Взятие Бастилии 14 июля 1789 г. явилось началом революции.

¹² Интендант – в то время, должностное лицо, заведовавшее отдельными отраслями государственного управления.

¹³ Де Лоней (или, чаще встречающаяся транскрипция, Делонэ) – последний комендант Бастилии.

¹⁴ Национальная гвардия – гражданское вооруженное ополчение, созданное после взятия Бастилии в Париже и других городах. Строилась по территориальному принципу.

¹⁵ Лафайет Мари Жозеф Поль, маркиз (1757–1834) – принадлежал к знатному и богатому дворянскому роду. Увлечшись идеями просветителей-энциклопедистов, с началом войны за независимость североамериканских колоний отправился в Америку. Вернулся во Францию накануне революции, увенчанный в 1780 г. (в возрасте 23 лет!) званием генерал-майора американских войск и славой борца за свободу американских республик.

ства, против самой Франции? Это невозможно, – продолжал он, обводя всех глазами. – Париж, правда, низложил Великого Генриха и изгнал Мазарини. Но зато потом он лизал им ноги. То же будет и теперь.

Мы должны только следить, чтобы эти беспорядки не распространялись далее.

Слова эти успокоили собрание, все нашли их совершенно убедительными. Люди ведь так склонны представлять себе будущее в тех же красках, какими было окрашено их прошлое. Речь Сент-Алэ была встречена громкими рукоплесканиями. Все, волнуясь, поднялись с мест и группами стали выходить на узенькую улочку.

В дверях я нечаянно столкнулся с одним из Гаринкуров. Он повернул голову и, увидев, кто его толкнул, хотел было остановиться. Но давка была так велика, что его увлекли вперед. Я видел, что он что-то говорил, но я не мог его слышать и только по насмешливым улыбкам шедших рядом с ним догадывался, что речь шла обо мне. Но едва мы вышли из переуллка на площадь, как представившееся нашим глазам зрелище заставило меня забыть об их существовании.

IV. Друг народа

Другие тоже были поражены увиденным. Мы во Франции не привыкли видеть толпы. Здесь в течение столетий всегда стоял впереди один какой-нибудь человек – король, кардинал, епископ, придворный... Сама же толпа всегда стушевывалась, изредка проходила перед ним, почтительно кланяясь, и исчезала.

Теперь начинался холодный рассвет нового дня. Между нами было немало людей, привыкших к тому, что крестьянин дрожал при виде их нахмуренного лица. Но парижская новость сразу потрясла все до основания. Толпа на площади уже не дрожала, а только молча смотрела на нас, и это молчание было хуже всякого воя. Она не расступилась перед нами, и члены собрания среди общей толкотни едва добрались до гостиницы.

Естественно, что все это отвлекло мои мысли от Гаринкура. Он тоже, по-видимому, забыл обо мне и шел, нахмурившись и бросая вокруг раздраженные взгляды.

Вереницей продвигались мы среди толпы. Она держала себя вызывающе, мы негодовали. Два слова: «Бастилия пала», объединили отдельные группы и создали из них Народ.

При таком положении дел достаточно было искры, чтобы произошел взрыв. Искра эта явилась сама собой. Впереди меня шел высокий и худой Гонто. Он был хром и обыкновенно опирался на руку лакея. В то утро лакея не было, и он опирался на палку.

Вдруг какой-то человек пробежал перед ним и, может быть, случайно, задел ногой за его трость. Гонто вспыхнул, как порох, и ударил ею этого человека.

– Пошел прочь! – кричал старик, готовясь ударить вторично. – Если бы ты был моим, я бы тебя...

Человек плюнул ему в лицо.

Гонто произнес ругательство и в неудержимом гневe нанес своему оскорбителю два или три удара. Тот хотел было скрыться, но стоявшие сзади вытолкнули его вперед. Делать было нечего, и с криком: «Долой дворян!» он накинудся на Гонто, который моментально оказался на земле.

Все это случилось очень быстро. Мы все – я, Сент-Алэ, Гаринкуры – видели, как упал Гонто. Толпа, очевидно, не потеряла еще почтительности окончательно и не хотела убить пожилого человека. Но, наэлектризованный рассказом о смерти де Лонея, я выскочил вперед, чтобы защитить де Гонто.

Меня предупредил, впрочем, Сент-Алэ. Бросившись тоже вперед, он нанес оскорбителю такой удар, что тот упал на руки стоявших сзади него. Подняв Гонто, Виктор выхватил свою блестящую шпагу и, размахивая ею во все стороны, стал пролагать себе путь. Его провожали руганью и проклятиями.

К несчастью, Сент-Алэ задел кого-то шпагой. Хотя человек и не был ранен, тем не менее он упал на мостовую и поднял крик, а за ним забурлила и вся толпа. Кто-то запустил в маркиза палкой, заставив его остановиться. Через минуту он уже бросился на человека, кинувшего палку, и пронзил бы его насквозь, но тот успел убежать в толпу, сомкнувшуюся с торжеством перед маркизом.

Сент-Алэ презрительно вложил шпагу в ножны. Но едва он успел отвернуться, как получил удар камнем в голову.

Зашатавшись, он упал на землю. Толпа завывала и бросилась топтать его ногами. Люди совершенно обезумели: крик раненного и напуганного ими человека стоял в их ушах. Один из Гаринкуров вздумал было вступить за маркиза, но это только подлило масла в огонь. В один момент он тоже был сбит с ног и покотился по мостовой. Толпа снова обрушилась на свои жертвы.

– Какой позор! – закричал я и устремился вперед.

Конечно, мое вмешательство должно было закончиться тем же, чем и вмешательство других, но тут ко мне подбежал Бютон – кузнец из Со. Он громко выкрикнул мое имя и растолкал окружающих. Бютон обладал огромной физической силой и ему ничего не стоило остановить тот людской поток. Узнал меня и еще кое-кто. Толпа отхлынула назад. Раздались крики: «Да здравствует де Со! Да здравствует друг народа!» Сначала крики эти слышались в одном месте, потом в другом, потом в третьем, и наконец вся площадь загудела от них.

Я не понимал тогда и легковесности толпы, у которой от «долой» до «да здравствует» всего один шаг. Признаюсь, от этих криков у меня сильнее забилося сердце. Свои отвернулись от меня с гневом, зато народ приветствовал меня криками. Пока я пытался взмахами руки водворить как-нибудь молчание, в голове у меня пронеслась мысль, что все эти приветственные крики делают из меня трибуна и ведут к власти.

Эти крики возвышали меня, но взгляд мой нечаянно упал на Сент-Алэ, и я сразу спустился с небес на землю. Маркиз уже поднялся на ноги и в бессильной ярости вытирал платком пыль с башмаков. Из небольшой раны на голове струилась кровь, но он не обращал на это внимания и пристально смотрел на меня, как бы желая прочесть мои мысли.

– Может быть, ваши друзья, господин де Со, уже сделали свое дело, и мы теперь можем пойти домой? – заговорил он, едва установилась относительная тишина.

Я пробормотал что-то и хотел проводить его, хотя нам было и не по дороге. Поблизости находились только оба Гаринкура и Гонто. Остальные члены собрания или разбежались, или смотрели на все происходившее из окон дома собрания. Я предложил было руку Гонто, но он холодно поклонился и отказался от моей помощи. А маркиз, повернувшись ко мне, сухо заметил, что они не смеют меня беспокоить.

– Мы, разумеется, будем в большей безопасности, если вам угодно будет дать соответствующие указания, – ехидно сказал он.

Раскланявшись, мы стали расходиться. Но толпа, очевидно, поняла, что между нами произошло что-то неладное, и снова подняла вой. Полетели камни, люди опять стали напирать на нас.

Беспомощность Гонто связывала всех и не давала возможности уйти. Я видел, как Сент-Алэ с окровавленным лицом храбро заслонил собой старика и повел его вперед. Я последовал за ними. И опять раздались приветственные крики, и залитая июльским солнцем площадь заволновалась, словно море.

– Очень жаль, – заговорил вновь Сент-Алэ, – что мы вас потревожили, господин де Со. Барон уже не молод, а ваши люди ведут себя довольно бесцеремонно.

– Что же могу сделать я? – попытался я возразить.

Мне не хотелось оставлять их на произвол судьбы, но, с другой стороны, не хотелось и брать на себя такую ответственность.

– Вы можете довести нас до дома, – с преувеличенной любезностью ответил он, вынимая табакерку.

Толпа молча отхлынула назад и внимательно наблюдала за нами.

– Вы думаете, мое присутствие поможет?

– Несомненно, – живо ответил он. – Ведь когда один король умирает, другой рождается.

Меня передернуло от этого сарказма, но ничего не оставалось делать, как согласиться на его просьбу и двинуться вместе с ними. Люди расступились перед нами, и мы шли среди криков и возгласов.

Сначала я собирался только вывести их с площади, но люди шли за нами, и мне нельзя было вернуться назад. Так, преследуемые по пятам, мы добрались до дома Сент-Алэ.

Его мать и сестра сидели на балконе. У входа появилось несколько перепуганных слуг. Пока я оглядывался по сторонам, маркиза де Сент-Алэ быстро спустилась вниз и при виде

следовавшей за нами толпы на ее лице отразилось удивление. Увидев кровь на лице сына, она вскрикнула и спросила, не ранен ли он.

– Нет, матушка. Но вот Гонто пострадал от падения.

– Что случилось? Город как будто с ума сошел. Я слышала какие-то крики, а слуги рассказывают разные нелепости про Бастилию.

– Бастилия взята толпой. Это верно. Де Лоней убит. Толпа – царь не щадит никого. К счастью, у нее есть предводители, превосходящие ее в уме и осторожности, – добавил Сент-Алэ таким тоном, что кровь бросилась мне в голову.

Но маркиза не слыхала последних слов. Она была ошеломлена известием о смерти де Лонея, которого знала лично.

– О, король жестоко накажет этих негодяев! – воскликнула она. – Может быть, наказание уже совершено, и они колесованы?

– Может быть, когда-нибудь и накажет, но не теперь. Чернь нельзя узнать. Здесь произошло маленькое столкновение: Гонто сбили с ног, да и я сам едва ускользнул. Если бы господин де Со не сдержал этих людей, – продолжал он с ехидным смехом, – то я боюсь, что нам пришлось бы очень плохо.

Тут только маркиза начала что-то понимать. Лицо ее приняло высокомерное выражение, а холодный взгляд остановился на мне.

– Разве это люди, господин де Со? – спросила она, указывая на оборванцев, стоявших поодаль и наблюдавших за нами.

– Это его лейб-гвардия, матушка. Впрочем, вы должны быть благодарны ему. Если он не спас мне жизнь, то, во всяком случае, спас красоту...

– С помощью этого отребья? – гневно спросила она.

– С помощью этого отребья или от него, – весело отвечал он. – Кроме того, дня через два – три нам придется просить у виконта защиты. Я уверен, что в этой просьбе он уж вам не откажет.

Я стоял, внутренне беснуясь против его выходок, но был бессилен сделать что-либо против него самого.

– Ни я, ни мои родные, мы не желаем иметь дело с изменником, – сказала она, пронзая меня блестевшими от гнева глазами.

– Маркиза! – воскликнул я, пораженный ее несправедливостью. – Вы сами не знаете, что говорите! Если я встал между вашим сыном и опасностью, то вовсе не из тех гнусных побуждений, какие вы во мне предполагаете.

– Мне нет надобности предполагать это, когда за вами целая толпа черни. Разве необходимо кричать: «Долой короля!», чтобы стать изменником? Уходите прочь от моего дома, или я позову сюда слуг, и они прогонят вас отсюда бичами, – продолжала она, обращаясь уже к стоявшим в отдалении простолюдинам.

В гнев маркиза топнула ногой и, к моему изумлению, люди, которые должны были бы понимать всю тщету ее угроз, съезжились и стали разбегаться, как собаки. В одну минуту улица была пуста.

– Учитесь, сударь, – заговорила она опять, сверкнув глазами. – Вот ваш храбрый народ. Прошу и вас удалиться: в моем доме нет места изменникам.

С этими словами она сделала мне знак идти с тем же высокомерным презрением, с каким разогнала толпу. Но прежде я успел крикнуть ей:

– Ведь вы были в дружеских отношениях с моим отцом! – и пока она не успела мне ответить, продолжил: – Вам следовало бы помочь мне, а не оскорблять меня. Если бы я был даже самым преданным слугой королю, то и тогда перенесенных мною оскорблений было бы достаточно, чтобы сделаться изменником. Я попрошу вас это запомнить.

Чернь уже рассеялась на площади, но в переулках и улицах толкалось еще много народа. Везде стояли группы, оживленно беседовавшие между собой. Слово «Бастилия» было у всех на языке. При моем приближении все сняли шапки.

– Бог да благословит вас, господин де Со. Вы – добрый человек, – несло мне в след.

По приезде домой я чувствовал себя как в лихорадке. Мне хотелось скорее посоветоваться с человеком, который один мог вывести меня из создавшегося положения. То был отец Бенедикт, наш домашний капеллан. Он встретил меня во дворе, около того места, где некогда стоял позорный столб. Было довольно темно, и я не мог видеть его лица.

– Началось, – проговорил он, провожая меня в аллею.

– Вы слышали?

– Мне говорил Бютон.

– А разве он здесь? – спросил я с удивлением. – Часа три тому назад я видел его в Кагоре.

– Такие новости распространяются с быстротой молнии. Теперь всего надо ждать. Толпа взяла Бастилию, а кто помогал толпе? Солдаты, французская гвардия. Если нельзя положиться на армию, то конец и всяким привилегиям, конец Фулонам¹⁶ и Бертье,¹⁷ конец голодовкам...

– Но если армия на стороне народа, – прервал я его, – то чем же это может закончиться?

– Нужно готовиться ко всему.

– Не разделите ли вы со мною ужин? – спросил я. – Мне бы хотелось рассказать вам кое-что и попросить у вас совета.

Он охотно согласился.

– Я все равно не засну в эту ночь, – промолвил он. – Большая новость, господин виконт. Ваш отец выслушал бы ее с радостью.

– А смерть де Лонея?

– Без жертв не бывает перемен, – твердо отвечал он. – Его отец совершил немало грехов, во искупление которых и пал жертвой сын. Царство ему небесное! Я слышал, что он был добрый человек.

Только тогда, когда мы уселись в каштановой гостиной, занявшись сыром и фруктами, я смог оценить во всем объеме то впечатление, которое произвело на аббата взятие Бастилии. Когда он слышал или говорил об этом, все его худое и длинное тело дрожало от возбуждения.

– Это конец, – повторял он. – Ваш отец не раз говорил, что вся сила в деньгах. А денег теперь нет. Изменила и вооруженная сила. Не осталось ничего.

– А король? – спросил я его, невольно вспоминая о маркизе.

– Да благословит его Бог! У него хорошие намерения, но без народа, без денег, без армии – он король только по имени. И имя это не спасло уже Бастилии.

Я рассказал ему все, что произошло со мной. Когда я описывал сцену в собрании, он не мог более оставаться спокойным, вскочил со стула и принялся ходить по комнате, что-то бормоча про себя. Услышав, что толпа кричала: «Да здравствует Со!», он посмотрел на меня восхищенными глазами и тихонько повторил эти слова. Когда же я дошел в своем рассказе до мучивших меня сомнений о том, какой же выбор сделать, он замолк, присел к столу и принялся крошить хлеб.

¹⁶ Фулон Жозеф Франсуа (1717–1789) – суперинтендант, генеральный контролер, обвинявшийся народом в огромной величине налогов и цен. Был убит вскоре после взятия Бастилии.

¹⁷ Бертье – интендант, откупщик податей Парижа, скупщик хлеба, тиран. Был повешен также вскоре после штурма и взятия Бастилии.

V. Депутация

Он долго сидел молча, устремив взор на стол.

– Ну? – не без раздражения заговорил наконец я. – Что вы скажете на это?

Тут я нарочно отодвинул один из подсвечников, чтобы лучше видеть его лицо. Но он продолжал молчать, играя хлебными крошками и не поднимая глаз.

– Господин виконт, – промолвил он, – по моей матери я – тоже дворянин.

Я знал это обстоятельство, но никогда не придавал ему такого значения.

– Итак, вы... – начал я в изумлении.

– Не то, – остановил он меня, поднимая руку. – По отцу я вышел из народа. К тому же я принадлежу к числу бедняков. Однако...

Поднявшись со своего места, он взял подсвечник и повернулся к стене, на которой висели портреты моих предков.

– Антуан дю Пон, виконт де Со, – громко прочел он подпись под портретом. – Он был добрый человек и друг бедных. Царство ему небесное.

– Адриен дю Пон, виконт де Со, – продолжал он читать, – Полковник фландрского полка. Он был убит, если не ошибаюсь, при Миндене. Кавалер ордена Св. Людовика...¹⁸ А вот Антуан дю Пон, виконт де Со, маршал и пэр Франции, кавалер многих орденов, член королевского совета, умер от чумы в Генуе в 1710 г. Кажется он был женат на одной из Роган...

Потом он перешел к другой стене и молча остановился перед одним из портретов.

– Антуан дю Пон, сеньор де Со, кавалер ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Умер в Вазе во время великой осады от ран, по словам одних, или от непомерных трудов, как утверждают другие. Воин – христианин.

И, посмотрев с минуту на этот портрет, он поставил подсвечник на стол. В окружавшей нас темноте освещены были только наши бледные возбужденные лица.

– Господин виконт, – с поклоном произнес кюре, – вы происходите из очень древнего и благородного рода.

Я пожал плечами.

– Это я знаю. Что же дальше?

– Я не решаюсь давать вам советы.

– Но дело, за которое я стою, заслуживает полного сочувствия.

– Да, конечно, – медленно промолвил он. – Я это всегда утверждал. Но народ должен сам защищать свое дело.

– И это говорите вы! – в смущении и гнев воскликнул я. – Вы, тысячу раз говоривший, что вы тоже из народа, что во Франции должны быть только народ и король!

Он как-то печально улыбнулся и забарабанил по столу пальцами.

– Это не теория. А когда дело доходит до практики, сердце говорит другое. Во мне самом есть дворянская кровь, и я знаю, что это такое.

– Я не понимаю вас, – с отчаянием сказал я. – Ведь я только что сказал вам, что на собрании дворянства я говорил за народ, и вы же меня одобрили.

– Это было благородно, – отвечал отец Бенедикт с тонкой улыбкой. – Боритесь за народ среди равных себе. Но если дело дойдет до борьбы между народом и классом, к которому вы принадлежите, и если дворянину придется делать выбор, то...

Голос отца Бенедикта слегка задрожал, и он еще проворней забарабанил пальцами:

– ... то я предпочел бы видеть вас в рядах вашего сословия.

– Против народа?

¹⁸ Точнее, крест Св. Людовика – королевский орден, уничтоженный революцией и восстановленный в период Реставрации.

– Да, против народа, – продолжал он, съеживаясь. – Разумеется, это нелогично. Дело реформ, честного, дешевого заработка, справедливости – такое дело не может быть несправедливым. Но инстинкт не позволяет мне стать на эту сторону.

– А как же Мирабо? Ведь недаром его называют великим человеком? – спросил я. – Я слышал, что и вы нередко отзывались о нем с величайшим уважением.

– И даже очень часто, – отвечал аббат, продолжая барабанить по столу пальцами. – Но что делать, у меня нет твердости убеждений. Я знаю, как отзываются ныне об инакомыслящих, и мне не хотелось бы, чтобы так говорили о вас. Есть вещи, которые хороши только издали, – сказал он, отворачиваясь, чтобы скрыть жалость, светившуюся в его глазах.

Несколько минут мы оба молчали.

– Но ведь и мой отец был на стороне реформ, – промолвил я наконец.

– Да, на стороне реформ, которые должны были совершаться дворянами для народа.

– Но ведь дворяне-то и изгнали меня...

– Так бывает всегда: народный трибун становится изгнанником.

Перспектива, ожидавшая меня, представилась мне с совершенной ясностью, и я понял, почему отец Бенедикт колебался так долго.

Кюре скоро простился со мной. После его ухода я целый час ходил по каштановой аллее, потом, остановившись у железной решетки парка, долго смотрел на расстилавшуюся за ней дорогу. Наконец я повернулся и пошел к своему серому островерхому дому с башенками по углам.

Где-то за домом невовремя закричал петух. Среди полей далеко-далеко в тишине залаяла собака. С небес торжественно глядели на землю звезды.

Я подумал о внезапно потерянной невесте, и эта мысль наполнила меня слабым сожалением, не лишенным даже приятности. Желал бы я знать, что она думает обо мне после нашего внезапного разрыва? Возбудило ли это вообще ее мысли, ее любопытство, или она пришла к заключению; что так идет всегда: женихи появляются и исчезают?..

... Была среда 22 – го июля. Вечером этого дня Париж весь дрожал от невиданных еще событий. Первый раз раздался на его улицах крик: «На фонарь!», и старец с длинной седой бородой закрутился на веревке, пока смерть не остановила его мучения.

Париж был свидетелем того, как разорвали на части столичного интенданта, и многих других событий, заставивших побледнеть сторонников реформ.

Прошла неделя, 29 – го июля снова зашел ко мне отец Бенедикт.

– Что вы думаете о парижских событиях? – спросил я.

– То же, что и прежде. Без денег, без солдат, с народом, умирающим от голода, с интеллигенцией, у которой в голове одни теории, – что тут может сделать Правительство? Будет период беспорядков. Но силы, стоящие на стороне законности и порядка всегда одерживали верх. Так будет и на этот раз.

– Что тебе надо, Жиль? – спросил я подошедшего к нам лакея.

– Из Кагора приехал к вам Дюри.

– Хозяин гостиницы?

– Так точно, и с ним Бютон. Они желают вас видеть.

– Оба вместе? – спросил я, пораженный этим странным сочетанием.

– Да, сударь.

– Хорошо, води их сюда, – сказал я, теряясь в догадках о причине приезда Дюри. Ведь я заплатил ему по счету!

– Увидим, – промолвил аббат, переводя взор на дверь. – Знаете, я чувствую себя не так уж уверенно.

Хозяина гостиницы, человека ловкого и услужливого, я знал давно, хотя никогда не мог представить его отдельно от его гостиницы и ее посетителей. На этот раз к его обычной услуж-

ливости примешивалось чувство собственного достоинства. Он то важно поджимал губы, то вдруг конфузился и кланялся с видом малодушья. Его костюм также вызывал удивление: вместо черного камзола, какой обычно носят люди его положения, на нем красовался голубой, с золотыми пуговицами. На груди и на шляпе у него были два банта из белых, синих и красных лент¹⁹.

Его спутник, державшийся позади и представлявший своей огромной фигурой резкий контраст с горожанином, разукрашен был точно так же. Встретившись со мной глазами, он покраснел и старался, насколько возможно, спрятаться за Дюри.

– Добрый день, Дюри, – сказал я, чуть было не рассмеявшись его важности, но серьезный вид кюре удержал меня.

– Что вас привело в Со? Вам что-нибудь нужно от меня?

– Точно так, господин виконт, – начал трактирщик и вдруг выпрямился во весь рост. – Нас привели сюда общественные дела. Мы хотели бы поговорить о них с вами. Теперь происходят большие перемены, и нам нужен совет.

Я пожал плечами и взглянул на кюре.

– В чем же дело? – поинтересовался я. – У вас плохо идет торговля вином?.. Или...

– Извините, сударь, – перебил он меня с достоинством. – Теперь не время шутить. Теперь содержатель гостиницы и дворянин оба подвергаются не меньшему риску. Оставленные теми, кто должен был вести их, они...

– Что такое, хозяин? – вскричал я.

Дюри густо покраснел:

– Надеюсь, господин виконт понимает, что я говорю о народе. Оставленные теми, кто должен был быть их естественными защитниками...

– Но кто же оставил народ?

– Разве вы еще не слышали? Герцог д'Артуа,²⁰ принц Конде,²¹ герцог Полиньяк... Через три дня после взятия Бастилии эти принцы крови все бежали тайком из Франции.

– Это невозможно! – вскричал я опять. – Для чего им бежать?

– Вот в этом-то весь вопрос, господин виконт. Одни говорят, для того, чтобы своим отстранением от дела наказать Париж. Другие утверждают, что это сделано для того, чтобы выразить свое неудовольствие против амнистии, объявленной на днях его величеством. А третьи уверены, что они хотели избежать участи Фулона.

– Вздор! – строго остановил я его. – Ты говоришь вздор. Отправляйся назад к своим супам и наварам. Что ты можешь понимать в государственных делах? Если бы ты посмел так говорить о принцах крови при наших дедах, то тебя посадили бы на шесть недель на хлеб и воду.

Забыв о своей новой внешности, он забормотал какие-то извинения. Я хотел было прочесть ему нотацию, как вдруг, к моему изумлению, в разговор вступил Бютон.

– Это было лет тридцать тому назад, – ворчливо произнес он.

– Как? Ты тоже здесь по государственным делам?

– Да, господин виконт.

– Почему же вы, в таком случае, не привели с собой еще сторожевой собаки? – воскликнул я, приходя во все большее изумление. – Или козла от фермера Жана?

Тут я почувствовал, что кюре тихонько дотронулся до моего плеча.

¹⁹ Белый цвет был цветом королевского знамени, так что трехцветные кокарды должны были означать единение короля с народом.

²⁰ Имеется в виду граф д'Артуа (так и далее в тексте) – брат Людовика XVI, позднее, после событий 5 – 6 октября 1789 г. (см. ниже) возглавивший образовавшийся в Турине, вблизи французской границы, а затем в Кобленце, центр контрреволюционной эмиграции.

²¹ Принц Конде (1736–1818) – один из руководителей дворянской эмиграции в Кобленце.

– Может быть, лучше выслушать, что им нужно? – мягко заметил он.

Я молча кивнул головой.

– Что же вам здесь нужно?

– Интендант бежал, – заговорил Дюри, вернув себе прежнее достоинство, – и мы, следуя примеру Парижа, образовали комитет, который будет управлять местными делами. Чтобы справиться со своей задачей, комитет, членами которого мы оба имеем честь быть, должен включать в себя представителей всех классов. И мы пришли просить вас, господин виконт, не только войти в состав комитета, но и...

– Но и?

– Но и стать его председателем.

– Благодарю вас, господин трактирщик, – заговорил я, едва оправившись от такой наглости. – Если я правильно вас понял, вы предлагаете мне заседать в вашем комитете рядом с этим человеком? – продолжал я, указывая на Бютона. – С этим мужиком, который родился в моих поместьях и до вчерашнего дня подлежал моему суду?

– Но, господин виконт, – промолвил Дюри. – В комитете должны быть представлены все.

– Комитет! – закричал я, не в состоянии сдерживать овладевший мной гнев. – Это что-то новое во Франции! Что же будет делать этот комитет?

Дюри тоже взял себя в руки и вновь заговорил с важным видом:

– Интендант бежал. Народ больше не верит чиновникам. Ходят слухи о разбоях.²² Нет хлеба. И комитет должен заняться всем этим. Надо принять меры по снабжению населения съестными припасами и по умиротворению местности. Кроме того, господин виконт, комитет войдет в сношения с Парижем.

– Одним словом, – перебил я, – управлять будет комитет, а король, очевидно, уже отрекся от власти.

Дюри как-то съежился и побледнел.

– Боже сохрани, – трусливо сказал он. – Комитет будет действовать от имени его величества.

– И его властью?

Трактирщик в смущении посмотрел на меня и что-то забормотал о народе...

– А, стало быть, меня приглашает управлять народ? Но ведь это значит присваивать себе права короля и заменять собою его чиновников, словом, совершить государственную измену. Понимаете?

Трактирщик дрожащей рукой вытер лоб. Вместо него опять заговорил кузнец.

– Господин виконт, – начал он, поглаживая бороду огромной ручищей. – Вы забываете, что комитету предстоит решить еще одну задачу.

Говорил он мрачно, стараясь не смотреть мне в глаза.

– Какая же это задача?

– Охрана дворянства.

– От кого же? – кратко спросил я после небольшой паузы.

– От их собственных крестьян.

– Вот что! Стало быть, нас будут сжигать в собственных постелях?

Бютон покраснел сквозь загар и вдруг в первый раз взглянул мне прямо в лицо.

– Вы знаете, – заговорил он, – что я готов умереть за своего сеньора. Прежде, чем огонь коснется Со, он должен сжечь меня. Но, господин виконт, – продолжал он деловым тоном, – развелось много разных злоупотреблений, а этому надо положить конец. Женщины и дети

²² После взятия Бастилии Францию охватили массовые волнения крестьян, уничтожавших замки своих господ и отказывавшихся нести повинности. В ответ Национальное Учредительное (с 9 июля) собрание приняло 11 августа 1789 г. несколько законов, фактически означавших гибель феодализма и отменявших второстепенные феодальные права, сохраняя, впрочем, главные повинности.

умирают с голоду, и мы должны помочь им. Бедняки платят подати, а богатые люди свободны от них. Бедняки чинят дороги, а богатые только ездят по ним. У бедняков нет даже соли, а король ест на золоте. Всему этому надо положить конец, хотя бы и путем сожжения замков, – мрачно закончил он.

VI. Встреча на дороге

Неожиданное красноречие, обнаруженное кузнецом, уверенность, с которой он говорил, совершенно новый ход мыслей, который я никак не мог у него подозревать, – все это озадачило меня, и некоторое время я не мог сказать ничего. Дюри воспользовался этим, вновь вступив в разговор.

– Теперь вы изволите видеть необходимость такого комитета, – вкрадчиво сказал он. – Надо как-нибудь поддерживать спокойствие...

– Я вижу только то, что есть бунтовщики, которые находятся на воле, но которым лучше было бы сидеть в колодках. Поддержание спокойствия – это дело короля... Администрации...

– Она же совершенно расстроена... – произнес было Дюри, но смутился.

– Так пусть приведут ее в порядок! – закричал я. – Ступайте прочь! Я не желаю иметь дела ни с вами, ни с вашим комитетом!

– Однако, в других провинциях Лианкур, Рошфуко отнеслись к этому делу иначе, – проговорил опять Дюри, сокрушенный неудачей своей миссии.

– А я не желаю, – возразил я. – Не забывайте, что вы потом ответите за свои действия. Я уже предупредил вас, что это государственная измена.

– Ну, в таком случае, быть пожарам, – пробормотал кузнец. – Не успеет наступить утро, как зарево будет уже на небе. И все это падет на вашу голову.

Я хотел запустить в него тростью, но он уклонился от удара и медленно пошел прочь. Дюри двинулся за ним. Его лицо стало еще бледнее, а парадный костюм висел на нем, как на вешалке.

Я молча стоял и смотрел на них, пока они не скрылись с глаз, потом повернулся к кюре, желая услышать, что он скажет.

Но кюре исчез. Может быть, для того, чтобы перехватить их у ворот и потолковать с ними. И действительно, скоро из-за угла показалась его сухая фигура, почти не отбрасывавшая тени: был полдень. Он что-то бормотал про себя, но, подойдя ко мне, поспешил принять бодрый вид.

– Я вступил в их комитет, – сказал он со слабой улыбкой.

– Не может быть!

– Почему же не может быть? Разве я не предсказывал наступления этого дня? Вам я советую оставаться на стороне вашего сословия. А я человек бедный и стану на своей стороне. Что касается комитета, то лучше хоть какое-нибудь правительство, чем вообще никакого. Вы сами прекрасно понимаете, что прежний механизм правления разрушен. Интендант бежал, народ на доверяет чиновникам. Солдаты заодно с народом, сборщики податей – Бог знает где...

– В таком случае нужно, чтобы дворянство...

– Приняло на себя руководство и стало править? – перебил он меня. – При помощи кого же? Кучки слуг и стражников? И это против такой толпы, что вы видели на площади? Невозможно!

– Кажется, все перевертывается вверх ногами, – сказал я тоном полной безнадежности.

– Нужно более крепкое и устойчивое управление, – произнес он, обмахиваясь шляпой. – Вот что я еще хотел вам сказать: я слышал от Дюри, что дворянство решило собраться в Кагоре, чтобы общими усилиями обуздать народ. Теперь это бесполезно и даже вредно. Это может привести к тем самым эксцессам, которых хотят избежать. Бютон говорил, конечно, не зря. Он сам – добрый человек, но знает, что есть люди другого склада, и есть не мало уединенно стоящих замков, где живут лишь нарядные женщины и дети.

– Неужели вы опасаетесь жакерий²³? – вскричал я в ужасе.

²³ Жакерии – крестьянские восстания во Франции в период Столетней войны 1337–1453 гг. Само слово произошло от

– Бог знает, что будет, – торжественно отвечал он. – Сколько лет знать веселилась в Версале, принося в жертву жизнь мужика. Теперь, может быть, пришел черед расплатиться за все это.

Кюре ушел, а я еще долго не мог успокоиться. Чтобы узнать новости, я велел оседлать лошадь и поехал в сопровождении двух слуг по направлению к Кагору. Едва выбрался я на большую дорогу, как из-за пригорка показался экипаж. Перевалив через гребень, он медленно спускался по дороге. На фоне ясного неба над кузовом четко вырисовывалась фигура дородного кучера я две головы стоявших на запятках лакеев. По мере приближения экипажа я сообразил, что он принадлежит маркизе де Сент-Алэ. Первым моим желанием было взять в сторону и избежать встречи. Но гордость помешала мне сделать это, и, натянув поводья, я двинулся ему навстречу.

Вскоре мы поравнялись. Втайне надеясь встретить Луи, я был убежден, что встречу саму маркизу. Поэтому, проезжая мимо, я снял шляпу и отвесил поклон: вежливость нигде не мешает.

Ожидания мои не оправдались: вместо маркизы посередине экипажа восседала маленькая мадемуазель Дениза. После всего случившегося ранее я должен был ограничиться поклоном, не произнося ни слова. Но я заметил, как лакеи оскалили зубы – вероятно, обращение со мной маркизы сделалось предметом их пересудов. Тотчас бледное лицо Денизы вспыхнуло, и я инстинктивно остановил лошадь. Перед мадемуазель сидели спиной к упряжке две служанки, уставившиеся на меня с самым глупым видом.

– Мадемуазель! – воскликнул я.

– Монсеньер, – машинально ответила она.

В сущности было сказано все, что было допустимо в данной ситуации. Оставалось только раскланяться и ехать дальше. Но что-то заставило забыть меня о правилах этикета, и я спросил:

– Вы изволите ехать в Сент-Алэ?

Ее губы зашевелились, но ответа я не расслышал. Вместо нее ответила – и довольно грубо – одна из ее служанок:

– Предположим, да.

– А сама маркиза де Сент-Алэ?

– Маркиза по делам осталась в Кагоре с сыном, – тем же тоном отвечала прислуга.

Теперь уже наверное мне следовало ехать, но вид девушки, еще недавно бывшей моей невестой, заставил меня высказать все же опасения, которые были у меня в голове.

– Мадемуазель, – порывисто сказал я, не обращая внимания на служанок. – Если вам угодно выслушать мой совет – не ездите туда.

– Вот как! – вскричали дерзко обе служанки, покачивая головами.

Маленькая маркиза молчала некоторое время.

– Почему же? – вдруг спросила она. Любопытство, видимо, пересилило в ней робость.

– Потому что, – почтительно начал я, – состояние округа таково, что... Я опасюсь, что вы не изволите знать...

– Что же? – застенчиво переспросила она.

– Что в Сент-Алэ есть много недовольных...

– В Сент-Алэ?

– То есть, я хотел сказать, в его окрестностях, – неловко поправился я. – По моему мнению, было бы лучше, – продолжал я в смущении, – если бы вы вернулись назад.

– Чтобы составить вам компанию, вероятно, – хихикнув, проговорила одна из служанок.

Мадемуазель быстро взглянула на мою оскорбительницу и, вспыхнув, неожиданно громко приказала:

– Трогай!

Выглядел я довольно глупо, но мне не хотелось отпускать ее одну.

– Тысячу извинений, мадемуазель... – заговорил было я.

– Трогай! – крикнула она опять тоном, недопускающим никаких возражений. Дерзкая служанка громко повторила приказание. Экипаж тронулся, и я остался на дороге один все с тем же глупым видом.

Обсаженная тополями дорога, спускавшаяся вниз, подпрыгивающий на ухабах экипаж, насмешливые физиономии лакеев, обернувшихся ко мне и глазевших на меня сквозь пыль – все это я помню, как теперь.

Взбешенный на самого себя, я не мог не сознавать, что перешел границу дозволенного и заслужил такой отпор. Лицо Денизы де Сент-Алэ, полное удивления и презрения, не выходило у меня из памяти всю дорогу, и, вместо того, чтобы думать о комитете, я невольно думал о ней.

Очнулся от дум я лишь на половине дороги в Кагор. Тут я остановил лошадь. Возбуждение овладело мной и усилило мою нерешительность. Через полчаса я могу быть у маркиза Сент-Алэ и, что бы ни случилось, исполню свой долг и упрекнуть себя потом будет не в чем. Но можно вернуться домой и через те же полчаса быть в полной безопасности, не выиграв, однако, в собственном уважении к себе.

Поколебавшись так некоторое время, я все же двинулся вперед и через полчаса уже переезжал Валандрейский мост.

Высокомерие, с которым обращалась со мной маркиза, было еще свежо в моей памяти. Из гордости и самолюбия я раз десять хотел повернуть назад, но каждый раз передо мной мысленно являлись физиономии простолюдинов со злыми глазами, виденные мною в деревне. Ужасы, которые могли произойти прежде, чем подойдет помощь из Кагора, заставляли меня продолжать путь.

Переполненные народом улицы, несомненно, свидетельствовали о беспорядках. Вновь повсюду видны были группы людей, горячо обсуждавших что-то. В двух-трех местах ораторы стояли на стульях, окруженные толпой бездельников. Некоторые лавки были закрыты, перед булочными стояли стражники. Я заметил, что в руках прохожих было много газет. Мое появление вызвало удивление. Кое-кто поздоровался со мной, но большинство смотрело на меня молча. В двух местах раздались даже крики против меня.

Это рассердило было меня, но произошло нечто, заставившее забыть гнев. Кто-то сзади окликнул меня по имени. Оглянувшись, я увидел Гонто, спешившего за мной, насколько ему позволяла его хромота. По обыкновению, он опирался одной рукой на лакея, а в другой держал палку и табакерку.

– Вот уже несколько месяцев я не испытывал такого удовольствия, как от встречи с вами, – начал он с подкупающей сердечностью. – Вы превзошли всех нас, господин виконт. Вы хорошо проучили их, а знаете текст: «На небесах больше радости об одном раскаявшемся грешнике, чем...» Ха-ха-ха! Теперь мы опять с вами вместе.

– Позвольте, барон, – промолвил я в величайшем изумлении. – Я вас совершенно не понимаю!

– Не понимаете? А, вы думали, что мы не узнаем этого так скоро? – проговорил он, со значительным видом покачивая головой. – Мы хорошо осведомлены. Кампания началась, и не следует пренебрегать нашим информационным бюро. Этот мошенник Дюри все выболтал. Я слышал, вы прочли ему превосходную нотацию! Комитет! Скажите, что выдумали, негодяи! Если б вы присоединились к ним...

Он вдруг остановился. Какой-то человек, переходивший улицу, толкнул его. Старик, памятуя недавние события, вышел из себя и замахнулся на прохожего. Тот трусливо убежал.

Но барону было нелегко успокоиться.

– Бродяга! – кричал он вслед убежавшему дрожащим от гнева голосом. – Опять хотели сбить меня с ног. Погодите, мы поставим вас на место! Когда я был молод...

– Вы уверены в том, что нам удастся сдержать их? – спросил я Гонто, чтобы отвлечь его от этого инцидента, ибо около нас уже собралось несколько человек, бросавших злобные взгляды.

Старый барон все еще не мог овладеть собой.

– Вы увидите! – кричал он. – Вот, наконец, мы и у цели. Видите, на балконе сидит маркиза де Сент-Алэ со своими телохранителями? – добавил он, посылая воздушный поцелуй. – Поднимайтесь наверх, вы узнаете, что вас ждет, а я счастлив, что привел вас сюда.

Все происходящее казалось мне просто сном. Две недели назад меня с насмешками выгнали из этого дома, а теперь мне приветливо махали платками с балкона. На лестнице, где толпилось множество слуг и лакеев, меня встретили громом аплодисментов.

Всюду мне любезно предлагались табакерки, а блестящие взгляды из-за вееров по блеску могли равняться с зеркалами. В дверях меня встретил Луи. Навстречу мне вышла маркиза, словом, получился какой-то триумф, совершенно мне непонятный. Впоследствии я узнал, что отпор, данный мною Дюри по поводу комитета, был преувеличен чуть ли не в сотню раз. Люди, более благоразумные и рассудительные приветствовали в моем лице роялистскую реакцию²⁴, которой все ждали с первых же дней возникновения беспорядков.

Для того, чтобы заявить об истинной цели своего посещения, для того, чтобы объяснить, что хотя предложение депутации и было мной отвергнуто, я вовсе не собираюсь действовать, против нее – для всего этого требовалось такое мужество, каким я похвастаться не мог.

Обстоятельства, вызвавшие появление у меня депутации Дюри, намеки Бютона, наконец насилия, произведенные парижской толпой, – все это оказало на меня сильное впечатление, которое никак нельзя было назвать благоприятным. Подобно тысячам других людей, с нетерпением ожидавших реформ, я отступал перед ними, начиная понимать, к чему они могут привести. Въезжая в Кагор, я всего менее рассчитывал присоединиться к партии де Сент-Алэ. Но объясняться с ним теперь я счел невозможным.

Будучи молодым, опьяненным лестью, я стал игрушкой обстоятельств – слабый в том, в чем нужно было быть твердым, и упрямый там, где надо было уступить. К тому же мадемуазель Дениза не выходила у меня из головы.

– Немало случилось с тех пор, как я видела вас в последний раз, господин виконт, – с достоинством начала маркиза. – Извините меня. Слово женщины и меч мужчины не наносят оскорбления.

Я поклонился, краснея от удовольствия. И немудрено: после двухнедельного одиночества я вновь обретал огромное влияние среди этих людей, говоривших сдержанно и серьезно со мной.

– Король, – продолжала маркиза, всегда ставившая короля на первое место, – через неделю или две примет нужные меры. До сих пор он получал неверные сведения. Теперь этому будет положен конец. А пока мы должны вооружить наших слуг, подавить беспорядки и оказать сопротивление грабителям.

– А что делать с комитетом?

Она улыбнулась и по-дружески коснулась моего плеча выхоленными пальцами:

– Мы обойдемся с ним так же, как обошлись вы.

Вокруг нас шумела толпа красивых и нарядных мужчин и женщин. Но под этой блестящей внешностью скрывалась дряхлость и духовная пустота, порочность и равнодушие. Пудренные парики, мушки, шелк и бархат придавали старому, отжившему свое, режиму вид силы и достоинства. Хотя военных здесь было немного, но шпагу носили все и все умели действовать

²⁴ Роялисты – приверженцы королевской власти.

ею. Увы, не все понимали, что страшное на дуэли оружие не годится против толпы, вооруженной камнями и дубинами. Им казалось, что для восстановления в провинции порядка достаточно будет каких-нибудь трехсот всадников.

Отбросив всякие мечты о реформах, я тоже стал думать, что сохранение порядка – это единственное, что требуется в данный момент. Говорить о мадемуазель было как-то неловко в такую минуту: я предчувствовал, что буду осмеян за мои опасения и молчал.

Дав обещание приехать сюда завтра, я собирался уже уходить.

Двинувшись к выходу, я столкнулся с Луи. Тут только я спросил его, уверен ли он, что его сестра в Сент-Алэ находится в безопасности.

– Какое же в этом может быть сомнение? – в свою очередь спросил он, кладя мне руку на плечо.

– Волнения замечаются не только в городе, – осторожно намекнул я.

В ответ Луи пожал плечами.

– Вы придаете этому слишком большое значение, – отвечал он. – Поверьте, раз мы будем действовать все вместе, беспорядки прекратятся сами собой.

Этот разговор происходил накануне 4 августа, накануне того самого дня, когда в Париже Национальное собрание в ночном заседании уничтожило все привилегии, феодальные права, десятину²⁵ и налог на соль.

А Луи думал, что беспорядки уже кончились!

²⁵ Церковная десятина – десятая часть дохода, которую церковь брала с населения, в основном с крестьян.

VII. Тревога

В те времена большой костер на площади, да три-четыре фонаря на углах улиц составляли все освещение города. Проехав Валандрийский мост, я остановился на пригорке, чтобы дать лошади немного отдохнуть, и оглянулся на Кагор. Город исчез в темноте, лишь местами виднелись желтые пятна света. Вокруг города обвивалась, слабо поблескивая волнами, река, присутствие которой лишь угадывалось во мраке. По небу неслись быстрые облака, гонимые холодным, несмотря на жаркий день, ветром. Вся эта картина навевала какое-то торжественное настроение.

Пока я стоял на дороге, возбуждение, в котором я находился последние два часа, стало постепенно спадать. Все виденное мной в этот день, стало казаться довольно пошлым. Эти хвастливые циничные голоса, эти в высшей степени эгоистические планы, которым я должен был внимать в течение вечера, – все это представилось мне с особой отчетливостью.

Впрочем, что сделано, то сделано. На моей груди красовался белый бант, а я не ощущал никакого энтузиазма. По мере того, как падало настроение, приобретало особое значение то дело, ради которого я ездил в Кагор. Дернув поводья, я попробовал быстрой ездой рассеять овладевшие мной мысли.

Но ночью так же трудно ускользнуть от себя, как и днем. Завывание ветра в ветвях деревьев, быстро бегущие облака и стук копыт – все действовало мне на нервы. На расстилавшейся передо мной равнине не было ни одной светлой точки. Казалось, что в этом море мрака я был единственным живым существом.

Наконец я добрался до холма, с которого открывался вид на поместье Сент-Алэ. Из-за крутизны склона здесь можно было ехать только шагом, и это тоже сильно раздражало меня. Вдруг я услышал сзади знакомый неверный звук и вспылil.

– Стой! – крикнул я, повернувшись в седле. – Твоя лошадь сломала подкову, а ты едешь, как ни в чем ни бывало! Слезай скорей и осмотри остальные!

– Виноват, – пробормотал Жиль, видимо задремавший дорогой.

Он быстро слез с лошади. Оказалось, что сломана была одна из задних подков. Это было уже не в первый раз. Бютон применял все способы ковать ее, но, как видно, не особенно успешно.

– Лошадь не может идти дальше в таком состоянии, – сердито сказал я.

Оба слуги молчали, внимательно рассматривая подкову. Потом Жиль заговорил:

– Кузница в Сент-Алэ находится недалеко от дороги за поворотом. Мы достучимся к Маленькому Жану, и он как-нибудь прибьет подкову. Только...

– Что только? – угрюмо спросил я.

– Я поссорился с ним на ярмарке в Кагоре, – смущенно сказал Жиль. – Он, пожалуй, не выйдет ко мне.

– Отлично, – резко ответил я. – Тогда я сам сейчас же поеду туда. А ты с лошастью оставайся здесь и жди.

В крайнем раздражении я слез с лошади и отправился пешком. Ближайший дом в деревне находился в четверти мили от этого места. Шагов через пятьдесят я был уже на перекрестке, откуда шла дорога в Сент-Алэ. Быстро я зашагал по ней, и вскоре голоса моих людей перестали долетать до меня.

По обеим сторонам дороги на возвышении росли тополя, отчего на самой дороге было темно, как в яме, и я должен был идти чуть ли не ощупью. Я споткнулся и едва не упал. Это было последней каплей, и я пустился ругать Жилия, дорогу за ее ухабы, луну за несвоевременное исчезновение. Непрерывный шелест тополей производил на меня странно удручающее

впечатление. Внезапно до меня донесся какой-то шум, будто кто-то ехал за мной верхом. Я остановился и стал прислушиваться.

Сначала мне представилось, что слуги ослушались моего приказа, но вскоре я убедился, что звуки доносились спереди и были гораздо громче, чем бряцание уздечек. Вслепую я двинулся дальше и за поворотом сквозь просвет между деревьями заметил слабый красноватый свет. Мне показалось странным, что в кузнице еще работают.

Пройдя еще немного вперед, я очутился перед кузней и остановился в изумлении: работа в ней шла полным ходом. Два молота поднимались и опускались на наковальню с приглушенным стуком. Отблеск огня падал на дорогу и стоящие против дома деревья.

Была уже полночь, но около кузницы стояла толпа народа. Назвать точное число людей было трудно, да я и не пытался пересчитать все эти полуобнаженные фигуры со всклокоченными волосами. Некоторые из них были вооружены пиками и вилами, а какой-то человек делил их на группы и давал распоряжения. Все двигались в полной тишине, нарушаемой стуком молотов.

Я инстинктивно отступил в тень на край дороги и стал наблюдать дальше. Человек, бывший, очевидно, их предводителем, держал на плече топор, широкое лезвие которого ярко сверкало всякий раз, когда человек поворачивался боком к кузнице. Каждую секунду он был в движении; беспристанно переходя от одной группы к другой, вожак жестикулировал и ободрял их. Иногда он выбирал из группы какого-нибудь человека и толкал его в другую. Временами он что-то говорил, но за дальностью расстояния я не мог расслышать. Когда же он входил в кузницу, его огромное туловище закрывало просвет двери. То был кузнец Маленький Жан.

Воспользовавшись тем, что при его входе в дом на дороге делалось темнее, я несколько продвинулся вперед. Я уже понял, что происходит, но необходимо было узнать подробности. Ползком я подобрался к месту сборища еще шагов на тридцать и замер. Маленький Жан вышел с новой партией оружия и стал раздавать его. Слышно было, как они беспристанно повторяли имя Гаргуфа – управляющего маркизы де Сент-Алэ и первого врага крестьян. Теперь наступил час расплаты за прежние грехи!

Какой-то человек зажег факел и закричал:

– К замку! К замку!

Первым моим побуждением было броситься вперед и образумить их, заставить их угрозами или обещаниями отказаться от их намерений. Но в тот же самый момент благоразумие подсказало мне все безрассудство такой попытки. Передо мной были уже не крестьяне, не терпеливые мужики, а взбесившиеся звери.

Я пополз обратно и, выбравшись поодаль на дорогу, побежал назад, не обращая внимания ни на рытвины, ни на темноту. Едва переводя дыхание, добежал я до своих слуг и прерывающимся голосом объяснил им, в чем дело:

– В деревне восстание! Они хотят напасть на замок, а там находится мадемуазель... Жиль, скачи галопом в Кагор и предупреди маркиза. А ты, Андрэ, скачи в Со и расскажи все отцу Бенедикту. Скажи, чтобы он вел сюда всех, кого можно.

Оба слуги смотрели на меня во все глаза, открыв от изумления рты.

– А как же лошадь? – спросил Жиль.

– Бери мою и скачи немедленно! До лошади ли теперь? Замок...

– А как же вы сами?

– Я вернусь домой садовой тропинкой. Сто ливров каждому, если удастся спасти замок! – вскричал я.

Я сказал «замок», не решаясь опять произнести вслух то, что было у меня на уме. Живо я воображал себе одинокую беззащитную девушку среди разъяренных чудовищ. Мысль о ней все время подгоняла меня. Я пересек поле и вскоре был уже у опушки парка. Ограды с этой стороны не было, ее заменяла живая изгородь из кустов и деревьев.

Замок Сент-Алэ, выстроенный отцом теперешнего маркиза, представлял собой здание с двумя флигелями, выходившее фасадом на дорогу и стоящее от нее шагах в ста. От железных ворот, всегда стоявших открытыми, вела к главному подъезду широкая пыльная аллея.

Бунтовщикам было недалеко идти, и ничто не могло задержать их. Я содрогался при мысли, как незащищен замок и с ужасом представил, как толпа, вломившись в главный подъезд, быстро наводнит парадную лестницу. И, спотыкаясь о кусты и корни, падая и вновь поднимаясь, покрытый потом и пылью, я все же летел вперед.

Наконец я оказался на тенистых аллеях парка, изобиловавших статуями нимф и фавнов. Я оглянулся на деревню. Между деревьями мелькали красные огоньки, и доносился отдаленный шум голосов: они приближались! Я бросился бегом по аллее. Через минуту я был у подъезда. Толкнув плечом дверь, я убедился, что отворить ее не так уж легко! Каждая секунда была дорога. Огоньки скрылись за углом замка, но мое воображение рисовало мне, что бунтовщики уже у подъезда.

Я начал изо всей силы колотить кулаками в дверь. Тщетно вертел я дверную ручку: дверь не поддавалась. В безумном порыве я стал трясти ее и, наконец, забыв всякую осторожность, громко закричал.

Через минуту, показавшуюся мне вечностью, за дверью послышались чьи-то шаги, и под дверью мелькнула узкая полоска света.

– Кто здесь? – спросил дрожащий голос.

– Виконт де Со, – нетерпеливо отвечал я. – Впустите меня скорее. Слышите!

И я опять принялся колотить в дверь.

– Что случилось? – спросил тот же трепещущий голос.

– Деревня взбунтовалась! Они идут сюда, чтобы поджечь замок.

Отворяйте скорей, если не хотите заживо сгореть в ваших постелях! – кричал я.

Поколебавшись немного, слуга отпер мне, и я проскользнул внутрь. Передо мной стоял с подсвечником старый лакей маркизов Сент-Алэ, которого я не раз видел в передней. Свеча задрожала в его руках, когда он увидел меня. Быстро закрыв засов, я выхватил у него подсвечник.

– Скорее! – закричал я. – Наверх! Наверх!

Он что-то хотел сказать мне, но я не стал дожидаться. Зная дорогу, я кинулся к лестнице. Споткнувшись раза три-четыре о лежащие на полу тюфяки служанок, я наконец добрался до входа во внутренние комнаты. В обступившей меня со всех сторон темноте свеча была не ярче ночника, но все же я убедился, что дверь заперта. Потом я бросился опять вниз и едва достиг последней ступени, как старый слуга, следовавший за мною так быстро, насколько позволяли ему больные ноги, сделал какое-то неловкое движение и задел прялку, стоявшую у стены. Она упала с грохотом, и послышался целый хор испуганных голосов. Шагая через три ступеньки, я поднялся вновь наверх. Передо мной очутился другой пожилой лакей с мальчиком, смотревшие на меня расширенными от ужаса глазами. За ними, прижавшись к обитому коврами дивану, тянувшемуся вдоль всей залы, стояли три или четыре женщины, с криками и плачем прятанные лица в одежды друг друга. Они не обратили на меня даже никакого внимания, а только продолжали кричать и плакать.

Старик напрасно пытался заставить их замолчать.

– Где Гаргуф? – спросил я его.

– Он пошел запереть заднюю дверь, сударь.

– А мадемуазель?

– Она там.

Я оглянулся назад и заметил, что тяжелая занавесь, отделявшая залу от коридора, ведущего во внутренние комнаты, заколыхалась. Через мгновение показалась сама мадемуазель с бледным от страха лицом, но, видимо, сумевшая взять себя в руки. На ней было легкое платье,

волосы были распущены. В темноте, которую не могли рассеять свечи, она сначала не заметила меня.

– Вернулся ли Гаргуф? – спросила она.

– Нет, но вот... – заговорил лакей, указывая в мою сторону.

Не узнав меня, она гневно вскрикнула:

– Да позовите сюда Гаргуфа! Неужели никто не хочет повиноваться?

– Мадемуазель, – сказал я, выступая вперед. – Вы должны немедленно бежать через парковые ворота.

Она вздрогнула и пристально поглядела на меня своими огромными глазами.

– Господин де Со! Вы здесь, – бормотала она. – Я не понимаю... Я думала...

– В деревне восстание! Через минуту бунтовщики будут здесь.

Глухой шум на дороге становился все явственнее. Женщины, притихшие во время нашего разговора, опять принялись кричать. Неосторожным движением одна из них уронила подсвечник. Старый слуга, сопровождавший меня, разбранил ее.

– Неужто нельзя заставить этих безумных вести себя спокойно! – в гневе закричал я. – Никто вас не тронет, не кричите, а вы, мадемуазель, должны сейчас же следовать за мной. Нельзя терять ни секунды.

– Разве необходимо бежать? – вдруг спросила Дениза таким тоном, что я остановился в изумлении. – Разве нет какого-нибудь другого средства?

Шум все приближался.

– Сколько у вас людей? – спросил я.

– А вот и Гаргуф! – быстро отвечала она. – Он вам все скажет.

Обернувшись, я увидел поднимавшегося по лестнице управляющего. Лицо его было решительно и угрюмо. В одной руке он держал канделябр, в другой – пистолет. Я вновь спросил, сколько людей в его распоряжении.

– Здесь все, – упавшим голосом отвечал он, делая вид, что мое присутствие вовсе не удивляет его.

– Только-то?

– Было еще трое. Но двери оказались незапертыми, и они ушли.

– Мадемуазель должна сейчас же удалиться отсюда, – проговорил я поспешно.

– Как это сделать? – равнодушно спросил Гаргуф.

– Через ворота в парк.

– Но они уже там. Дом окружен со всех сторон.

Я вскрикнул от отчаяния, и в следующий момент, как подтверждение его слов, раздался сильный удар в парадную дверь, прокатившийся гулким эхом по всему дому. Вслед за первым ударом послышался второй, третий...

– Вы должны спрятаться, – прошептал я мадемуазель. – Есть же здесь какое-нибудь место для этого... Вы...

– Я не желаю прятаться, – резко отвечала она.

Ее лицо было по-прежнему бледно, и только глаза горели как уголья.

– Это наши люди, и я буду говорить с ними, – продолжала она, храбро двинувшись вперед. – Если они осмелятся...

– Она с ума сошла! – воскликнул я. – Есть еще возможность спастись. Откройте окно!

Я уже хотел отдернуть занавеску, как вдруг передо мной очутился Гаргуф. Он схватил меня за руку и спросил:

– Что вы хотите делать?

– Я сам хочу говорить с ними из окна.

– Они не будут вас слушать.

– Все-таки я хочу попробовать. А это что еще такое?

– Это два охотничьих ружья маркиза. Возьмите одно, а я возьму другое. Мы, по крайней мере, не пустим их на лестницу.

Я машинально забрал одно из ружей. Дверь трещала под градом ударов. Снаружи неслись дикие завывания толпы. Помощи ждать было неоткуда приблизительно в течение целого часа. Сердце у меня невольно упало, и я только дивился мужеству управляющего.

– Неужели ты не боишься? – спрашивал я его, зная, как притеснял он крестьян и в течение многих лет всячески злоупотреблял своей властью над ними.

– Ты останешься при мадемуазель? – продолжал я, чувствуя, как его присутствие возвращает мне самообладание.

В ответ он схватил мою руку, словно железными тисками, и более я не расспрашивал его.

Внезапно одна мысль молнией мелькнула в моей голове:

– Они хотят поджечь дом! Какой смысл нам охранять лестницу, когда они хотят сжечь нас, как мышей!

– В таком случае мы умрем вместе, – промолвил он, ткнув ногой одну из плакавших женщин. – Тише ты, рева! Неужто ты думаешь, что слезы тебе помогут?

Быстро подскочив к окну, я все же отдернул тяжелую занавесь.

В комнату ворвался красноватый свет, заигравший на потолке. Я боялся, что дверь вот-вот слетит с петель и будет уже поздно. К счастью, рама поддавалась легко. Я настежь распахнул окно и вскочил на подоконник, как раз над дверью главного входа.

Прямо перед ним горела большая голубятня, посылая к небу длинные языки пламени. Дым пожара несло прямо на парк, и он был весь окутан едкой гарью, сквозь которую местами поблескивали огни. На этом фоне виднелись черные фигуры беснующихся людей, подбрасывающих в огонь солому. За голубятней горел флигель и стог сена. Перед подъездом переливалась волнами толпа: одни били стекла в окнах, другие несли горючие материалы, и все это кричало, шумело и, словно стая демонов, хохотало под треск пламени и звон разбиваемых окон.

Маленький Жан сновал впереди, раздавая какие-то приказания. В середине толпы приплясывала полуголая женская фигура, размахивая головней. Она первая увидела меня и с ругательствами показывала пальцем в мою сторону.

VIII. Гаргуф

Кто-то из нападавших потребовал молчания, и часть людей, затихнув, тупо уставилась на меня. Большинство, впрочем, грозило кулаками и осыпало меня ругательствами.

– Долой сеньоров! Долой тиранов! – носилось в воздухе.

Начало не предвещало ничего хорошего. Через минуту притихшая было толпа, заметив управляющего, или, быть может, вспомнив о предмете своей ненависти, от которого ее отвлекло мое появление, заревела снова:

– Гаргуфа! Гаргуфа!

Я почувствовал, что бледнею от этого крика.

– Гаргуфа! Подавайте нам Гаргуфа! Мы покажем ему, как обижать наших дочерей!

Дым стало оттягивать в сторону. В задних рядах наступавших раздался выстрел, и я услышал, как разлетелось вдребезги стекло позади меня. Кто-то, стоявший ближе, запустил в меня головней: она упала на подоконник и трещала у моих ног. Я сбросил ее ударом вниз.

Это заставило толпу на время прекратить крик, и я воспользовался моментом.

– Эй, вы! – закричал я, стараясь покрыть своим голосом треск пламени. – Слушайте! Солдаты уже идут из Кагора. Уходите, пока они не явились сюда. Тогда я заступлюсь за вас. Если же вы останетесь здесь и вздумаете буйствовать, то вас повесят всех до единого!

Несколько голосов ответили мне насмешками, будучи уверенными, что солдаты с ними заодно. Некоторые утверждали, что дворянство уже уничтожено, а его имущества переданы им. С особенной настойчивостью кричал один пьяница:

– Долой Бастилию! Долой Бастилию!

Я замахал руками и закричал:

– Чего вы хотите?

– Правосудия! – кричали в одном месте.

– Мщения! – вопили в другом.

– Гаргуфа! Гаргуфа! – слышалось громче всего.

– Перестаньте, – вдруг закричал диким, хриплым голосом Маленький Жан. – Разве мы пришли сюда, чтобы орать зря? Сеньор, выдайте нам Гаргуфа, и мы вас отпустим! В противном случае мы подожжем дом!

– Каналья! – вскрикнул я. – У нас есть ружья...

– И у мышей есть зубы, однако они сгорают заживо.

И он с торжеством махнул своим топором в сторону, где горел флигель.

– Мы дадим вам минуту на размышление. Выдайте нам Гаргуфа, и мы расправимся с ним, как хотим. Остальные могут убираться.

– Это все?

– Все.

– А что же вы думаете сделать с Гаргуфом? – снова спросил я, весь дрожа.

– Мы сожжем его заживо, – с ругательствами закричал кузнец.

Меня бросило в холод. Помощи из Кагора нечего было и ждать раньше часа-другого. Из Со ее не могло и быть. Дверь не сдержит более натиска разбойников. Их было раз в тридцать больше, чем нас. Я не знал, на что решиться.

– Даем одну минуту! – кричал снизу кузнец. – Одну минуту! Гаргуфа, или погибнете все!

– Подождите!

Я отвернулся от этих бесноватых фигур, от кружащихся над огнем голубей, спрыгнул с подоконника и увидел другую сцену, не менее для меня ужасную. Комната, ранее едва освещенная двумя свечами, была озарена красноватыми отблесками пожарища. Женщины уже перестали плакать и в молчаливом ужасе сбились в кучу. Старик-лакей, закрыв лицо руками,

робко посматривал между пальцами. Одна мадемуазель, бледная как смерть, стояла спокойно. Она, очевидно, слышала наши переговоры.

– Вы дали им ответ? – тихо спросила она, встретившись со мною глазами.

– Нет. Они дали нам минуту на размышление, и...

– Дайте им ответ, – промолвила она, содрогаясь. – Скажите, что этого никогда не будет. Никогда! Только скорее! Иначе они подумают, что мы колеблемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.